Дб
60
К-88

Ф. А. КУДРЯВЦЕВ

ВОССТАНИЯ КРЕСТЬЯН, ПОСАДСКИХ И КАЗАКОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVII ВЕКА

ОГИЗ ИРКУТСК 1939

Ф. А. КУДРЯВЦЕВ

ВОССТАНИЯ КРЕСТЬЯН, ПОСАДСКИХ И КАЗАКОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVII ВЕКА

„Как мир востанет, так и царь ужаснет, а ты, Христофор, говоришь с нами".

(Ответ участников Братского восстания 1696 года приказчику Кафтыреву).

ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСК—1939

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Мы, большевики,—говорил И. В. Сталин,—всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение первых попыток подобных восстаний крестьянства»...[1]

Из восстаний, происходивших в феодально-крепостнической России в XVII веке, менее всего освещены в исторической литературе восстания сибирских крестьян, посадских и служилых людей. Между тем изучение этих восстаний в свете указаний товарища Сталина представляет значительный интерес.

Предметом нашего изучения являются восстания, происходившие в Восточной Сибири в 90-х годах XVII века, когда на почве ненависти к царским сатрапам не раз объединялись для совместной борьбы с ними крестьяне, посадские и рядовые служилые люди. Каковы были причины этих восстаний, их движущие силы, ход повстанческого движения, чем определялись временные успехи восставших, почему они потерпели поражение, в чем заключается значение и исторические уроки крестьянских восстаний?—таковы важнейшие вопросы, стоящие перед нами. К сожалению, печатные и архивные материалы о сибирских восстаниях в конце XVII века, имевшиеся в распоряжении пишущего эти строки, довольно скудны, отрывочны и неравномерны. В то время, как о Братском восстании 1696 года сохранилось обширное следственное дело из фонда Илимской воеводской приказной избы, об Илимском восстании, происходившем почти одновременно, известны лишь чрезвычайно краткие упоминания в отдельных разрозненных документах. Погибли начальные листы свитка о восстании бирюльских пашенных кре-

[1] Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению Истории ВКП(б). Том III. Партиздат ЦК ВКП(б). М. 1937 г. Стр. 527.

стьян в 1692 году. Очень скудны исторические данные об Иркутских событиях 1695—1696 гг. Используя печатные материалы и документы Иркутского Областного Архива, я не имел возможности пользоваться материалами центральных архивов. Этим объясняется неравномерность освещения отдельных событий, описанных в настоящих исторических очерках. Но все же потемневшие от времени листы документов XVII века, сопоставленные с опубликованными уже материалами, расскажут нам, хотя и кратко, о «делах давно минувших дней», о народных страданиях и борьбе народа против своих угнетателей.

Один из немногих историков сибирских восстаний в конце XVII века Н. Н. Оглоблин считал главной их причиной злоупотребления местных воевод. «Нигде кроме Сибири,—писал Оглоблин,—злоупотребления воевод не доходили до той грандиозной степени, когда населению становилось совершенно «не можно жить» и оно после бесплодных воплей к великому государю о смене воевод, открыто поднимало против них бунт и пыталось своими силами и средствами оградить себя от «воевод-разорителей, грабителей, мучителей». Насколько грандиозны были воеводские злоупотребления в Сибири, настолько же поражают своими размерами и вызванные ими бунты. Иногда бунты длились по нескольку лет, переходя в открытые военные действия против воевод и их сторонников, которых восставшее население держало «в осаде» и преследовало всячески, воеводам «отказывали от воеводства» или прямо изгоняли их из городов. На место упраздненной воеводской власти или совместно с нею служилые люди избирали свои выборные власти—«выборных судеек» и др., заводили «мирские круги, советы, думы», руководившие борьбою с воеводами и всем вообще движением. При отсутствии воевод эти «воровские (т. е. незаконные, вольные) думы» брали на себя все функции воеводской власти и отправляли на месте всякие «государевы дела».

Конечно, такие восстания были только временными явлениями и редко сибирским служилым людям удавалось надолго оградить себя от «лихих воевод». На место изгнанных населением, или смененных по его челобитьям воевод, приезжали из Москвы другие, которые жили первое время еще «с опаскою», ввиду местных «воровских (т. е. вольных) людей», а потом все забывалось и снова затягивалась старинная песня на бесконечную тему воеводских злоупотреблений, тянувшаяся вплоть до нового взрыва народного негодования, с новым изгнанием или сменою зарвавшихся воевод и т. д. и т. д.»...[2]

[2] Н. Н. Оглоблин. Красноярский бунт 1695—1698 годов. Томск. 1902 г. Стр. 1—2.

При изучении сибирских восстаний в конце XVII века поражаешься удивительным, иногда до мелких деталей, сходством между ними. Это объясняется тем, что они вызывались общими причинами и имели одинаковый по социальному положению состав участников (крестьяне, посадские и рядовые служилые люди). Н. Н. Оглоблин метко характеризовал основные черты этих восстаний против «разорителей, грабителей, мучителей», но, ограничившись ссылкой на злоупотребления воевод, не дал глубокого анализа главных причин, вызывавших выступления угнетенных классов в конце XVII века. Злоупотребления воевод, казенных приказчиков и других агентов царской власти в Сибири являлись ближайшими поводами к восстаниям, основные же причины, вызывавшие их, определялись всем социально-политическим строем крепостнического государства, основанным на самовластии царя, помещиков, агентов этого государства, вышедших из дворянской среды, и на бесправии, угнетении народных масс. На этой социальной почве и вырастали «лихие воеводы», от которых становилось «не можно жить» сибирскому трудовому населению. Выяснение вопроса о том, в каком положении находилось оно в конце XVII века и должно вскрыть причины восстаний.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН, ПОСАДСКИХ И СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVII ВЕКА

К концу XVII века заканчивается в основном завоевание Сибири, начатое, если не считать более ранних проникновений за Урал, походами Ермака (1581—1584 гг.). Сибирские владения Российского государства простирались уже на восток до реки Аргуни, образующей при слиянии с Шилкой Амур. По Нерчинскому договору 1689 года восточная граница с Китаем определялась непосредственно по Аргуни. В Восточной Сибири от Енисея до Китайской границы среди «кочевных мест» эвенков (тунгусов), бурят, якутов и других аборигенов обширного края появились города: Туруханск (основан в 1609 г.), Енисейск (в 1618 г.), Красноярск (1628 г.), Илимск (1631 г.), Якутск (1642 г.), Иркутск (1652 г.), Удинск (Верхнеудинск. 1666 г.), Нерчинск (1658 г.), выросшие из зимовьев и острогов; Канский, Удинский (Нижнеудинский), Братский, Балаганский, Верхоленский, Киренский, Усть-Кутский, Яндинский, Голуметский, Тункинский, Селенгинский, Верхнеангарский, Баргузинский, Еравнинский, Кабанский, Аргунский остроги, Бирюльская, Читинская и другие слободы, деревни, зимовья, заимки, монастыри.

Колонизация Сибири началась почти одновременно с ее завоеванием. Первыми застрельщиками этой колонизации были отряды казаков, совершившие огнем и мечом завоевание и объясачивание «новых землиц». Погоня за ясаком, т. е. данью, преимущественно в форме «мягкой рухляди»—ценной пушнины (соболи, бобры, горностаи, дорогие сорта лисиц и пр.),—вот что

прежде всего привлекало Московское феодально-крепостническое государство к движению в Сибирь и завоеванию обширного края. Сюда манили также слухи о драгоценных металлах (серебре, золоте). В дальнейшем, главным образом со второй половины XVII века, через Сибирь прокладывались пути торговли с Китаем.

Погоня за «мягкой рухлядью» приняла характер своеобразной «соболиной горячки». Это объясняется тем, что ценные меха играли значительную роль в хозяйственно-финансовой жизни Московского государства. При недостатке драгоценных металлов «соболиная казна», приносившая хорошие доходы, фактически входила в состав валютного фонда. Ценные меха были предметом богатства и роскоши, выгодным товаром для сбыта на внутреннем и особенно на внешнем рынке. На пушнину существовал большой спрос в странах Западной Европы и Востока (Персия, Китай). Основным источником получения «мягкой рухляди» являлась в XVI—XVII веках Сибирь, куда все дальше и дальше на восток двигались отряды казаков, служилых людей, а также «охочие» торговые и промышленные люди (купцы, охотники, предприниматели, снаряжавшие торгово-промысловые отряды). Обогащая царскую казну, служилые люди стремились при захвате военной добычи и к своим собственным «прибыткам». Нередко они выступали в роли торговцев, ростовщиков и промышленников. В свою очередь торговые и промышленные люди принимали активное участие в завоевательных экспедициях. Военная и торгово-промысловая колонизация Сибири закреплялась сетью зимовьев и острогов. Эти остроги представляли собою деревянные крепости, военно-административные и торговые пункты. Здесь хранились военные (оружие, порох) и продовольственные запасы, ясак, товары. Из острогов отправлялись отряды для завоевания «новых землиц» и сборов ясака. Наконец, за укрепленными стенами острогов воеводы, приказчики, начальники отрядов, служилые люди «отсиживались», защищались от нападений «немирных иноземцев».

Одна военная и торгово-промысловая колонизация не могла все же обеспечить окончательное закрепление сибирских «новых землиц» под властью Московского государства. Служилые, промышленные и торговые люди нуждались в хлебе. Доставка его из Европейской России была при плохих путях сообщения затруднительной. Развитие хищнической охоты приводило к уменьшению пушных богатств, добывать которые становилось труднее. Совершались поиски «ясачных волостей» и пушных мест в более отдаленных уголках Сибири. Завоеванная территория все расширялась и расширялась. Переход от эпизодических похо-

дов и «наездов» за ясаком к закреплению новых владений и относительно регулярной ясачно-податной и торгово-ростовщической эксплоатации их требовал колонизационного освоения Сибири, расширения местной экономической базы. Военная и торгово-промысловая колонизация все больше и больше уступает свое место земледельческой. Самый процесс колонизации принимает более широкие размеры.

Правительство переселяет в Сибирь пашенных крестьян «по прибору» и «по указу». В первом случае правительственные агенты набирали крестьян, желавших переселиться в Сибирь, «на пашню», обещая ссуду и податные льготы. Часто же набор переселенцев возлагался в форме особой повинности на крестьян той или другой местности. Они обязывались выделять в Сибирь определенное количество крестьянских семейств, давая им «подмогу» в виде хлеба на посев, скота и проч. Переселение «по указу» состояло в принудительной отправке того или другого количества пашенных крестьян по особым распоряжениям царского правительства. По характеристике проф. С. В. Бахрушина, «Энергичную деятельность проявляло само правительство, принудительно переселяя или более или менее добровольно прибирая крестьян «на пашню» в Сибирь; с своей стороны и местная администрация содействовала всякими мерами земледельческой колонизации: приискивала крестьян, устраивала слободы посредством назначаемых из служилых людей приказчиков, распределяла между колонистами участки земли и повинности и организовало управление ими»...[3]

Наряду с правительственной развивалась т. н. вольная колонизация. В Сибирь отправлялись переселенцы, искавшие «угожих пашенных мест», «дебрь плодовитную на жатву и скотопитательные места», пушные и рыбные богатства. Сюда уходили также от тягостей крепостнического гнета, в поисках лучших условий жизни.

В роли колонизаторов выступали частные предприниматели из торговых и промышленных людей, т. н. слободчики. Неимущие переселенцы были вынуждены обращаться за ссудой в казну или к частным лицам. Этим и пользовались слободчики. Облюбовав земельные угодья, исхлопотав у правительства разрешение поселиться на них, получая различные льготы, а иногда и ссуду натурой или деньгами, слободчики «прибирали» на эти земли крестьян, давая им ссуды под проценты. В 30—40 годах

---

[3] Проф. С. В. Бахрушин. Сибирские слободчики. (Из истории колонизации Сибири). Труды Государств. Колонизацион. Научно-Исследоват. Института. Том II. М. 1926 г. Стр. 126—138.

XVII века «опытовщик» Ерофей Хабаров в районе Верхней Лены имел значительное для того времени хозяйство: пашни, покосы, мельницы, соляные варницы, занимался торговлей и ростовщичеством. Хозяйство его велось посредством наемных работников («работных людей»). О крупных доходах Хабарова свидетельствует то обстоятельство, что он в 1649 году имел возможность на свои средства снарядить военно-промысловую экспедицию на Амур. В 1654 году возле Нижнего Братского острога на Ангаре действовал, как слободчик, зажиточный пашенный крестьянин Распута Потапов, «прибравший» на пахоту 70 пашенных крестьян из ссыльных сюда администрацией»...[4]

Примером казенных слободчиков может служить Аверкий Шипицин, основавший в 90-х годах XVII века Ново-Удинскую слободу (теперь село Новая Уда, Иркутской области). «По твоему государеву указу,—сообщал Шипицин,—построил я, Аверкий, в Илимском уезде на Уде реке новую слободу и, проча и радея тебе, великому государю, многих крестьян ссужал хлебными запасами и деньгами и коньми, в той новой слободе, радея я тебе, великому государю, многие крестьяне дворами построились и скотом и хлебом завелись»...

Колонизаторами Восточной Сибири являлись также монастыри: Киренский, Вознесенский (возле Иркутска), Знаменский (в Иркутске), Троицко-Селенгинский и Посольский (в Забайкалье). Эти монастыри, давая поселившимся на их землях крестьянам ссуду хлебом, скотом, деньгами и пр., заставляли обрабатывать за это монастырскую землю, пасти скот, ловить рыбу, варить соль в монастырских варницах и т. д. На монастырских землях селились преимущественно «гулящие люди», как называлась в старину беднота, искавшая, переходя в те или другие места, средств к существованию. Кроме «гулящих людей» монастыри селили на своих землях и «крещеных в неволю».

Монастыри покупали захваченных в плен бурятских и монгольских женщин, крестили их и выдавали замуж за монастырских крестьян. В 1693 году игумен Феодосий писал в Иркутскую приказную избу, что поселившиеся на землях Селенгинского монастыря «трудники из вольных гулящих людей на монастырских и купленных иноземских бабах поженились и хлебную и скотинную ссуду из монастыря у них взяли и ссудные записи на себя дали»...[5]

Из крестьян Селенгинского монастыря образовались дерев-

---

[4] С. В. Бахрушин. Сибирские слободчики.

[5] Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653—1726). Казань, 1875 г.

ни: Темлюй, Буй, Куналей, Елань, Климишная, Кокуй, Кудара-Благовещенье, село Троицкое и др. Иркутский (Жилкинский) Вознесенский монастырь «нажил крестьян и собрал слободы»: Китойскую, Бадайскую, Мальтинскую, Усолье и пр.

Одной из форм колонизации Сибири была ссылка, узаконенная «Соборным уложением» 1649 года. Царское правительство стремилось использовать ее, как средство наказания и как одну из форм колонизации обширного края. С 50—60 годов XVII века уголовных преступников взамен смертной казни били кнутом, отсекали палец левой руки и ссылали вместе с женами и детьми в Сибирь на вечное житье «на пашню».

Во второй половине XVII века в Сибирь попадают и ссыльные по политическим делам. Это были участники крестьянских, казачьих, стрелецких волнений и восстаний, происходивших в этот период. «Ссылочных людей» мы встречали и среди участников Сибирских восстаний в конце XVII века.

Из разных мест Московского государства «по указу», «по прибору», «вольно» и в ссылку пробирались в далекие края пионеры колонизации Сибири. Терпя лишения, холод и голод, они прокладывали новые тропы через таежные дебри, плыли на своих плотах, стругах, кочах и дощаниках по многоводным сибирским рекам, волочили эти примитивные суда по земле между истоками рек, когда непрерывность речного пути нарушалась (волоки). Отыскивая «угожие земли», переселенцы распахивали «новь» на просторных местах, корчевали деревья, заводили пашни, покосы, занимались скотоводством, охотой, разными промыслами и ремеслами. Трудами этих людей создавались новые заимки, деревни, слободы, остроги, города:

«Трудами их вспоены земли, их пот
попыривал в нос именитым чинам...
А чем наши предки не знатные люди?
На том на ангарском суровом безлюдьи
копили слободки и строили бани,
тайгу вскорчевали, вспахали елани,
костями взмостили посады и веси
в угоду боярской и денежной спеси.
Их скромных имен не упомнит река.
А жаль... заглянуть бы хотелось в века...
Кто пращур?—
Казак,
горожанин,
иль пахарь,
стрелец ли, которого минула плаха?»... [6]

В процессе развивавшейся колонизации Сибири русские пе-

[6] М. Скуратов. Сибирская родословная. Стихи. М. 1937 г.

реселенцы приносили с собой навыки, хотя и примитивной еще, земледельческой культуры, оседлого быта, различные ремесла и зачатки промышленности.

«Мы часто называли Сибирь царской колонией,—пишет проф. Шестаков,—часто вопрос о ней как о колонии ставился так: было в Сибири какое-то большое государство, а царская Россия его захватила и заставила подчиниться своей государственной власти, русскому царизму и т. д. На самом деле с Сибирью дело происходило несколько иначе. Сибирь была страной крайне слабо заселенной. Огромная территория в Сибири в значительной части впервые колонизовалась русским народом. Наряду с захватом и подчинением отдельных народов Сибири, еще слабо объединенных в государственное образование, с недостаточно диференцированными классовыми отношениями, туда направляется поток русских переселенцев, являвшихся благодаря стоявшей за ними государственной власти единым целым и вносивших свою культуру в жизнь отсталых племен, с которыми они там встретились. Пусть эта культура была варварской, но это все же была гораздо более высокая культура, чем та, которую застали русские переселенцы у народов Сибири. Включение народов Сибири в состав «тюрьмы народов»—царской империи—все же сыграло известную положительную роль в подготовке тех общественных форм, с которыми мы встретились в Сибири, подготовляя победу пролетариата»...[7]

Ко времени прихода русских в Восточной Сибири существовали лишь неустойчивые зачатки земледелия в форме посевов проса и гречихи у некоторых групп бурятского населения Приангарья. Русские явились рассадниками новых зерновых культур: ржи, пшеницы, овса и пр., создали устойчивое земледельческое хозяйство. Одни из народов Сибири воспринимали у русских навыки земледелия, другие пользовались его плодами, доставляя земледельцам в обмен на хлеб продукцию скотоводства и охоты. В улусы проникали изделия русских ремесленников и работных людей. Русское влияние стало сказываться в области жилища, пищи, одежды, домашнего и общественного быта. Появились новые предметы, названия которых, обыкновенно, заимствовались из русского языка с некоторыми особенностями произношения, или без существенных изменений (продукция земледелия и земледельческие орудия, печи и постройки русского типа, домашняя утварь и пр.). Развивались семейно-бытовые связи русских с якутами, бурятами, эвенками и другими

[7] Проф. А. Шестаков. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР». Журн. «Историк-марксист». 1937 г. № 3. Стр. 91—92.

аборигенами Сибири. В документах XVII века встречаются различные указания о распространении браков русских с «иноземскими бабами». В результате возникли смешанные семьи, воспринимавшие язык и бытовые черты сближавшихся народов.

Принося в Сибирь навыки земледельческой культуры и оседлого быта, русские в свою очередь воспринимали у народов обширного края навыки ведения скотоводства и охоты в местных условиях, получали в процессе обмена скот и продукцию скотоводческого хозяйства. В этом отношении интересно, например, указание А. П. Щапова, что многие слова, заимствованные русскими в Забайкалье из бурятского языка, относятся к «зоолого-экономическим условиям бурятского скотоводческого и звероловческого быта»: барахчан—однолетний теленок, каширик—двухлетний теленок, иргэн—кладеный баран, яман—козел, тулун—кожаный мешок, чумбур—ременный повод и т. д. Русские воспринимали от бурят «правила бурятского наезднического искусства», принадлежности седлания лошадей, различные кожаные изделия. Русское же влияние в области скотоводства сказывалось в распространении сенокошения и ограничении перекочевок.

Взаимное влияние отразилось на языке и устном народном творчестве сибирского населения.

Среди верхоленских крестьян было распространено предание о том «как буряты с самого начала заводили содружество с русскими». В нем рассказывается, что сначала русские и буряты воевали между собой. Русские пришли снизу, устроили Верхоленский острог и оттуда объясачивали бурят. «Сначала без ружья русские не ездили и не ходили в улусы». «Долго ли, коротко ли так было, да напоследок» буряты и русские стали привыкать друг от друга. Стали торговые и промышленные люди заводить содружество с бурятами, ходили к ним в гости, но все еще с ружьями и порохом.

Пришли, однажды, в улус русские, угостились у бурятских дружков-нукуров и вернулись домой, а ружье с натруской, где был порох, и «путешественную икону» забыли в юрте. Буряты, увидев предметы, оставленные русскими друзьями, изумились, испугались и решили сжечь их. «Зажгли и с ужасом увидели, как вмиг вспыхнула натруска с порохом, запылала пламенем вся юрта и сгорела». Пожар был сочтен за чудо и с тех пор буряты «стали заводить мирное содружество с русскими без ружьев». «Почти каждый бурят,—пишет А. П. Щапов,—стал иметь в близ лежащих русских селах и деревнях своих дружков, нукуров, а точно также и русские, с своей стороны, заруча-

лись своими дружками, нукурами, по улусам»[8]. То же самое нужно сказать и о других народах Сибири.

В основе этого предания лежит историческая правда. В устном народном творчестве отразился процесс сближения русских с бурятами и другими народами Сибири. Царское правительство, его местные агенты, духовенство насаждали недоверие и вражду к «иноверцам», «иноземцам», творили обиды и насилия над «улусными людьми», т. е. крестьянами из аборигенов Сибири, занимавшихся преимущественно скотоводством и охотой. Однако, «ясачные мужики» не отождествляли агентов российского царизма с русским трудовым населением, с которым сближались на почве хозяйственно-бытовых связей. Известно, например, что русские—участники Братского восстания 1696 г.—имели своих «сродичей», т. е. родственников и приятелей среди балаганских бурят. Наконец, как мы увидим ниже, «ясачные мужики вместе с русскими участвовали на «мирских советах» (сходах), восставали против «лихих» воевод и приказчиков, выбирали «мирских судеек», сменявших, хотя и временно, ненавистную царскую администрацию»...

Колонизация Восточной Сибири, начавшаяся в первой половине XVII века, совершалась, главным образом, по долинам больших рек: Енисея, Ангары, Лены, Селенги и их притокам. Первоначальными формами новых поселений являлись, обыкновенно, зимовья (часто укрепленные), устроенные казаками, служилыми, торговыми, промышленными людьми для зимних стоянок, сбора ясака, торговли, охоты. Зимовья, расположенные в местах, удобных для хлебопашества, скотоводства, охоты, торговли, военных и административных целей, часто превращались в дальнейшем в остроги, города, слободы и деревни. Таким образом, например, из зимовья, основанного в 1652 году на Дьячем острове близ устья Иркута, возник через 9 лет Иркутский острог (1661 г.), преобразованный в 1682 году в город. В других случаях первоначальными поселениями становились непосредственно остроги. Например, Енисейский, Красноярский, Верхоленский остроги были построены сразу, не превращаясь в таковые из зимовьев. С развитием земледельческой колонизации около острогов, а затем и вдали от них возникали одна за другой заимки пашенных крестьян, «гулящих людей», ссыльных, отдельных посадских и служилых людей, занимавшихся пашенным хозяйством. Заимки разрастались в небольшие деревни, часть которых становилась при благоприятных условиях более

[8] А. П. Щапов. Эгоистические инстинкты в Ленской народной общине. Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск. 1937 г. Стр. 255.

значительными населенными пунктами—слободами. Вокруг острожных стен возникали посады, жители которых занимались торговлей, промыслами и ремеслами, сельским хозяйством.

В конце XVII века Восточная Сибирь разделялась на уезды: Енисейский, Красноярский, Илимский, Якутский, Иркутский и Нерчинский. В 1675 году русский посланник в Китай Н. Спафарий писал, что в Енисейске «жилых казачьих и посадских всяких чинов людей дворов с 500 и больше, и гулящих и промышленных людей много. А около Енисейска и на другой стороне реки Енисея русских деревень много. А в них живут пашенные крестьяне». Во всем Енисейском уезде насчитывалось около 500 деревень. «В Красноярском уезде,—писал Спафарий,—множество деревень есть и служилых людей с 1.000, только всегда опасно от киргиз: их человек с 1.000, только гораздо воисты, и язык и вера их татарская»[9]. Спафарий упоминал о северных енисейских кыргызах, состоявших из небольших племен тюрко-татарской группы. Они рядом с другими родственными племенами: бельтирами, камасинцами, качинцами, сагаями и пр. обитали в Енисейском и Красноярском уездах, занимаясь, преимущественно, скотоводством и охотой. В документах XVII века они нередко обобщаются под общим именем татар. Некоторые из них «верстались» енисейскими и красноярскими воеводами в служилых людей, остальные были отнесены к разряду «ясачных иноземцев».

В пределах Иркутского и Илимского уездов по Ангаре и ее притокам Спафарий заметил в разных местах зимние и летние юрты тунгусов и бурят, заимки, деревни пашенных крестьян, в том числе «новопашенных», т. е. недавно переселившихся, остроги, зимовья промышленных людей, «которые промышляют соболь». Например, Спафарий пишет, что от устья Илима (правый приток Ангары) до Илимского острога «русских деревень и тунгусских юрт много». По речке Вихоревой «живут тунгусы многие и промышляют соболи и бобры, и всякой иной зверь»... Начиная от реки Уды, путешественник встречал многие юрты братов (бурят), у которых «скоту всякого: коней, коров и овец много». Об Иркутском остроге Спафарий писал: «Острог Иркутской стоит на левой стороне реки Ангары на берегу на ровном месте, и острог строением зело хорош, а жилых казацких и посадских дворов с 40 и больше, и место самое хлебородное... а выше острога немного на правой стороне река Иркут, а вытекла из степи Мунгольской, а по ней живут браты и тунгусы есачные и не есачные...»

[9] «Путешествие в Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария». СПб. 1882 г.

В отношении Верхоленского района путешественник отметил, что «по Лене было прежде сего скудно хлебом, а ныне везде хлеб родится, потому что поселились русские люди и пашут хлеба много и проводят до Якутского и дале». Верхоленские волости стали во второй половине XVII и начале XVIII века главной базой для снабжения хлебом обширного Якутского уезда. В 1699 году было приказано по причине «хлебной Якуцкой скудости» приписать к Якутску верхнюю Киренскую, Чечуйскую, Криволуцкую слободы и Киренский острожек, находившиеся прежде в ведении илимского воеводы. Кроме того снабжение Якутского уезда хлебом возлагалось на Усть-Кутскую, Орленгскую, Тутурскую, Илимскую, Бирюльскую слободы. В царском указе на имя илимского воеводы Федора Качанова говорилось по этому поводу:

«Какова хлеба в тех слободах за семены уродитца и тот хлеб по прежним нашим... указам велено тебе посылать в Якуцкой неотложно, чтоб за неприсылками на людей не навесть голоду и крайнего разорения и в ясаках недобору»... Виновным в задержке хлеба для поставки в Якутск предписывалось «чинить жестокое наказание»[10].

Якутский уезд, скудный хлебом, был богат пушниной. Спафарий писал, что там «родятся самые добрые соболи лутче всех сибирских». Старинные жители Якутии: якуты, эвенки, луораветланы, одулы и другие народы занимались скотоводством (якуты), охотой, оленеводством, рыбным промыслом. В Якутском остроге, Верхоянском, Зашиверском, Алазейском зимовьях жили служилые люди, собиравшие ясак; сюда приезжали также торговые и промышленные люди, скупавшие и добывавшие пушнину.

Огромное впечатление производил на вольных и невольных путешественников XVII века Байкал и его окрестности. Их поражала величина озера, страшили байкальские бури и суровое величие байкальских гор. Они отмечали богатство «Байкалова моря» рыбой, а его окрестностей—птицами и пушниной. «Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки,—писал протопоп Аввакум, сосланный в 1656 году в Даурию (Забайкалье).—Птиц зело много, гусей и лебедей по морю, яко снег плавают. Рыба в нем—осетры и таймени, стерляди, и омули, и сиги и прочих родов много»[11].

...«Пристанищ нет, только все утес да камень, и единым сло-

---

[10] Исторический Архив Иркутской области. Фонд Илимской воеводской приказной избы. Дело № 48.

[11] «Житие протопопа Аввакума им самим написанное». М. 1934 г. Стр. 111.

вом рещи зело страшно наипаче тем, которые прежде сего на нем не бывали, потому что везде кругом обстоят горы превысокие снежные и лесы непроходимые и утесы каменные»,—описывал Спафарий свои первые впечатления о Байкале.

Первым населенным пунктом Западного Забайкалья, входившего в XVII веке в состав Иркутского уезда, было «Култушное зимовье» (Култук), основанное для сбора ясака и пушного промысла. В конце XVII века вокруг Култукского зимовья простирались уже «пашни по горам и степям»[12]. По восточному берегу Байкала от Култука до Посольского мыса населенных мест не было. На Посольском мысу находился Посольский монастырь. В Кударинской степи, примыкающей к дельте реки Селенги, и далее к югу и востоку кочевали бурят-монголы. Возле прибайкальской деревни Кудары простирались «пахотные места поселенных селенгинских служилых людей» и крестьян. В заимках по долине Селенги, как свидетельствует Спафарий, «хлеб пашут много и рыболовов много». Наиболее крупными поселениями в районе реки Селенги были: Кабанский острог, Ильинская слобода, Троицкий Селенгинский монастырь, в окрестностях которого жили монастырские крестьяне, и, наконец, Селенгинский острог. При впадении в Селенгу реки Уды находился Удинский острог (Верхнеудинск). К концу XVII века Селенгинский и Удинский остроги преобразуются в города. По северо-восточному берегу Байкала в районе реки Баргузина и дальше на север—по Верхней Ангаре кочевали эвенки. На правом берегу Баргузина стоял Баргузинский острог, где жили служилые и промышленные люди. Вместе с тем по обе стороны этой реки располагались небольшие пахотные места русских крестьян. В Нерчинском уезде (Восточное Забайкалье) проживали буряты и эвенки. На пути от реки Уды к Нерчинску были расположены Еравнинский, Иргенский, Телембинский остроги. В Нерчинске в 1675 году насчитывалось 60 жилых казачьих дворов; здесь проживало до 200 служилых людей, кроме промышленных.

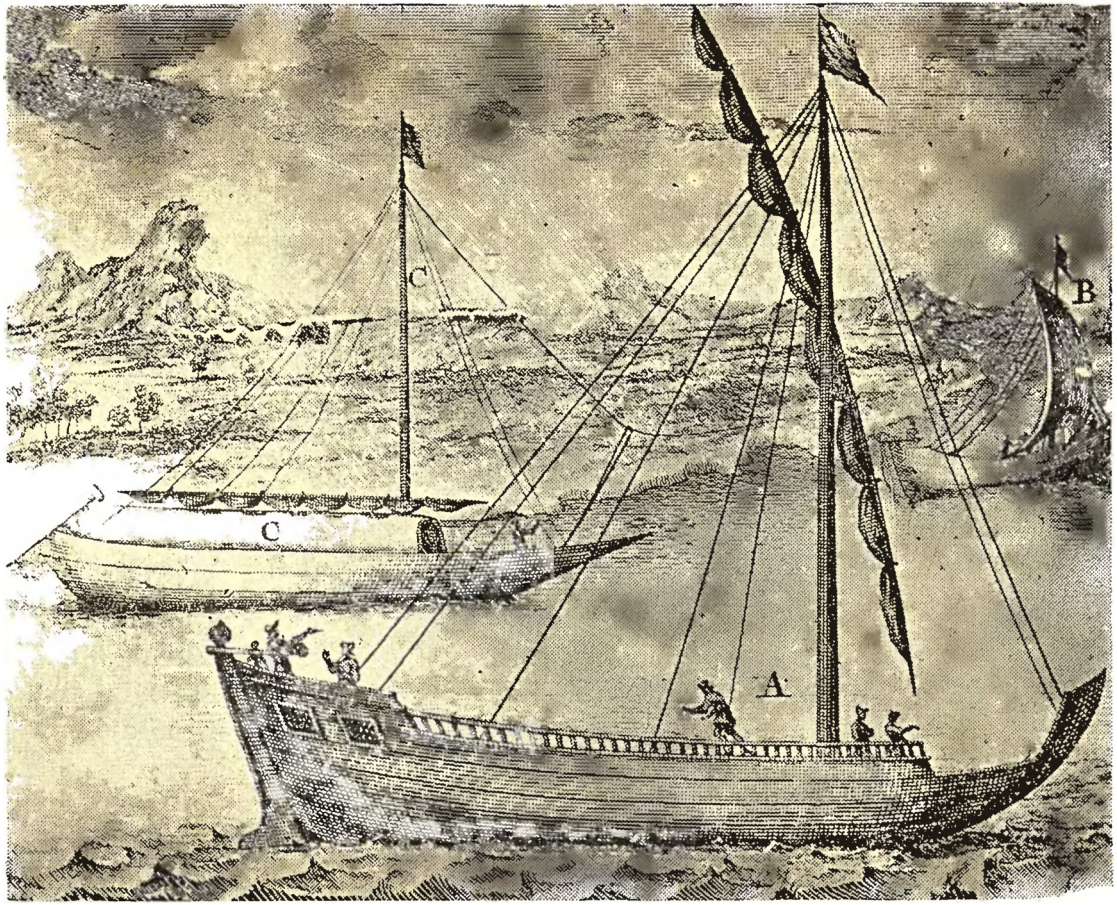
В Телембинском остроге находилось 30 казаков, а в Еравнинском—13 служилых людей. Земледельческая колонизация Восточного Забайкалья совершала в конце XVII века лишь первые шаги. Местные служилые и промышленные люди снабжались хлебом, привозимым, преимущественно, из т. н. «братских острогов»: Братска, Балаганска, Иркутска, Верхоленска.

Сибирский историк П. А. Словцов, на основании отрывоч-

---

12 «Чертежная книга Сибири», состав. Семеном Ремезовым в 1703 году. Изд. Археографической Комиссии. СПб. 1882 г.

Сбор ясака.
Рисунок из „Кунгурской летописи"



Сибирские дощаники.
(Из книги Н. Витзена „Noord en Oost Tartarye". Амстердам. 1692 г.)

ных данных о численности населения по некоторым городам и уездам Сибири, пытался определить его количество по состоянию на 1662 год[13]. По вычислению Словцова, сибирское население мужского пола определялось тогда в 358.000 душ (70.000 ч. русских и 288.000 ч. других народов). Конечно, эти цифры очень относительны. Последующие данные—1709 года, касавшиеся русского населения, были следующие: в Сибири насчитывалось 36.046 дворов и 229.227 душ обоего пола (мужчин 152.788, женщин 76.437). В 60-х годах XVIII века все население Сибири определялось в 900.000 человек, в том числе около 600.000 русских. Несмотря на отрывочность и относительность этих статистических данных, они говорят нам о том, что в результате колонизации в состав сибирского населения вливались все новые и новые контингенты, которые сначала уступали по своей численности местным аборигенам, а затем значительно превзошли их...

В официальных документах XVII века различаются следующие группы населения Сибири: крестьяне (пашенные, оброчные, монастырские), «гулящие люди», «ясачные иноземцы», казаки, служилые, промышленные и торговые люди.

В Сибири не было крепостного права, но общий гнет со стороны крепостнического государства, усиленный произволом его местной агентуры, сказывался и здесь. Его испытывали как «ясачные иноземцы»—народы Сибири, платившие ясак, так и русские крестьяне, посадские, рядовые казаки и стрельцы.

Сибирские крестьяне обременялись различными повинностями и казенными сборами. Вообще в XVII веке «повинности населения возрастали. Повинности крестьянского населения росли, не смягчаясь никакой льготой, никакой хотя бы самой незначительной привилегией, как это было и с служилыми и с посадскими людьми»[14]. Пашенные крестьяне Сибири пахали, кроме «собиной» (собственной), так называемую «государеву десятинную пашню». Например, в Илимском уезде на 4 десятины «собиной» пашни пахалось две десятины «государевой». Крестьяне жали, молотили «государев хлеб» и свозили его в казенные амбары. Часть сибирских крестьян взамен «государевой пашни» платила оброк «отсыпным хлебом» (хлебные оброчники) или деньгами. «Тягла на нем десятина ржи, десятина ярового,—читаем в Окладной книге илимских пашенных крестьян за 1687 год,—а за ту пашню платит он годовой оброк по две четверти

[13] П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири. СПб. 1886 г. Стр. 180—181.

[14] Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII веке. Москва. 1937 г. Стр. 364.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧН. ИСТОРИЧЕСКИЙ

с полуторою осминою с четвериком с полчетвериком ржаного»[15]. В 1692 году в Бирюльской волости было собрано «государева хлеба» с 31 крестьянина ржи—5540 снопов и ярового—5120 снопов. Наилучший урожай был тогда по 700 снопов с десятины, средний 500—400 снопов, наименьший 340—260 снопов. В разных местностях Сибири, в зависимости от состояния там хлебопашества, урожая хлебов, крестьяне уплачивали в казну пятый или десятый сноп. Размеры «государева тягла» и оброки определялись по усмотрению царских воевод. Учетом пашни и взысканием хлеба занимался целый ряд должностных лиц: выдельщики, дозорщики, приемщики, отдаточные целовальники, замолотчики и т. д. Сначала пашенные крестьяне составляли большинство, а оброчные—меньшинство земледельческого населения Сибири, затем на первый план выдвигаются оброчные. Кроме пашни оброк уплачивался за покосные, рыболовные угодья и другие «оброчные статьи». Собирались также «уздяные, седельные, поворотные деньги». При продаже своего хлеба на рынке крестьяне были вынуждены платить пошлину. На основании указа 1694 г., «которые сибирские ж всяких чинов люди учнут в Сибири продавать хлеб своей пахоты,—и с того хлеба с продажной цены имать пошлина по 10 денег с рубля»...[16]

Кроме общегосударственных, существовали мирские сборы и повинности. Они шли на содержание местной администрации, канцелярские расходы, казенные постройки. Крестьяне строили казенные винокурни, солеварни, кабаки, хоромы для воевод, приказчиков, приказных людей, попов и другого церковного причта, доставляли дрова и различные материалы, отбывали подводную гоньбу. Крестьянин, как указывается в одном из документов XVII века, «кормил и попа и приказчика»: и тот и другой получали натуральные доходы. Известно, что хлебные сборы для духовенства (руга) сохранялись вплоть до революции.

Монастырские крестьяне подчинялись непосредственно игуменам монастырей и другой монастырской администрации, уплачивая оброк, работая на монастырских пашнях, рыбалках, солеварнях, постройках. За «непослушание» крестьян били шелепами (кнутами).

Сохранился интересный указ архимандрита Троицкого Селенгинского монастыря Мисаила вкладчику Семену Соболеву, назначенному старостой в одну из монастырских вотчин по реке

---

[15] Исторический Архив Иркутской области. Фонд Илимской воеводской приказной избы. Дело № 33.

[16] А. А. Ионин. Новые данные из истории Восточной Сибири в XVII веке. Иркутск. 1895 г. Стр. 127.

Хилку. Документ относится к 1733 году, но он характерен и для XVII века. «Ехать тебе из монастыря в монастырскую вотчину на Хилок в Яланскую деревню, а приехав быть тебе, живучи в оной деревне, старостою и учинить всякое управление между крестьяны и вкладчики и всякого чину монастырскими людьми,—писал архимандрит,—а имянно: накрепко смотреть за пашенными крестьяны, чтобы они пашни пахали и всякие монастырские деревенские сделья делали без всякой лености вправду; також смотреть как над крестьяны, так и над вкладчики и над всеми всякого чину монастырскими людьми, чтоб никто пиянством не упивался и не пропивался и кто о чем на кого побьет челом, чинить управу по надлежащему, кто будет достоин наказания, и таковых смирять и бить шелепами по чину монастырскому. А всем вышеозначенным пашенным крестьяном и вкладчиком и всяким чинам всем монастырским людям ему, старосте Соболеву, во всем быть послушным, а хлебной монастырской анбар со всем монастырским хлебом иметь тебе, Соболеву, за твоею сторожею»[17]. В подчинении монастырей, неразрывно связанных с крепостническим государством, были их пашенные, оброчные крестьяне и «вкладчики». Вкладчиками назывались лица, вносившие в монастыри вклады деньгами или натурой, дававшие различные обязательства за себя и своих детей (работа на монастырь и проч.). Они освобождались от подчинения другой администрации, кроме монастырской, и даже подати платили через монастырское начальство. На основе своих обязательств вкладчики получали от монастыря «вспоможения» деньгами, скотом, хлебом и проч. Роль вкладчиков, каковыми являлись «гулящие люди», посадские, служилые, торговые люди, была различна в зависимости от их состоятельности. Более состоятельные вкладчики занимали выгодные должности монастырских приказчиков, вотчинных управителей и старост. Вкладчики из «гулящей» бедноты «вкладывали» преимущественно лишь свой труд и фактически становились крестьянами «вечно, по смерть их», закрепощенными за монастырем. Об этом красноречиво свидетельствует следующая «Выпись с Иркутских переписных книг» о крестьянах Вознесенского (Жилкинского) монастыря за 1695 год:

...«В монастыре живут крепостные крестьянские дети, а работают монастырскую работу холостые, Федька Акинфиев, Егорко да Петрушка Петровы дети, Окованцовы, Петрушка да Ивашка Семеновы дети, Гришка Лукин, Лучка Степанов сын

---

[17] Архивное Управление Бурят-Монгольской АССР. Фонд Троицкого Селенгинского монастыря. Дело № 5.

Пенских, Федька Устинов сын Молев, женат на монастырской вкладной на русской девке, а в допросе он Ивашка Лукьянов, сын Волков, с товарищи сказали, в прошлых де годех в Иркутской Вознесенской монастырь во крестьянство давались они повольно, из гулящих людей, и на монастырских их вкладных бабах и девках поженились, и денежную и хлебную и скотинную ссуду и подмог и всякой пашенной завод из того монастыря взяли и ссудные жилые записи в тот Вознесенский монастырь они на себя дали, что жить им, Ивашку с товарищи, за тем Иркутским Вознесенским монастырем во крестьянех с женами и з детьми вечно, по смерть их, и пахать им и сеять по вся годы на монастырской обиход всякому человеку по десятине ржи в год»...[18]

Характерно, что выпись была выдана монастырю иркутским воеводой князем Гагариным «на тех пашенных крестьян, на жен их, на детей впредь для владения». «Вольные гулящие люди», вынужденные дать «ссудные жилые записи» монастырю, были закрепощены за ним со своим потомством.

«Гулящими людьми» в XVI—XVII в.в. назывался разряд населения, состоявший из лиц, не имевших определенной приписки к посаду, деревне, помещичьей вотчине, «государевой службе» и не относивших постоянного тягла (податей, повинностей). Этим они отличались от «тяглых людей»—крестьян, посадских, приписанных по переписным и писцовым книгам к определенным местам, деревням, посадам, городам. Холопы и помещичьи крестьяне, ставшие по той или другой причине «вольными», или бежавшие от помещиков, дети и родственники «тяглых» людей, еще не включенных в тягло; странствующие ремесленники, скоморохи, музыканты—вот из кого составлялись «гулящие люди». Это были главным образом представители деревенской и городской бедноты, не обладавшие объектами для включения в тягло (пашнями и пр.). «Гулящие люди», по характеристике документов XVII века, «бродили во многих местах по наймам, кормились работой», «ходили в мире, кормили свои головы своим мастерством».

В Сибири «гулящие люди» работали в качестве плотников и других ремесленников, охотились на пушных зверей, нанимались «работными людьми» (наемными работниками) к купцам, зверопромышленникам, на рыбные промыслы, солеваренные и винокуренные заводы, железорудные и слюдяные разработки, батрачили. Наконец, из среды «гулящих людей» «прибирались»

---

[18] П. Громов. Начало христианства в Иркутске. Иркутск. 1867 г.

пашенные и монастырские крестьяне, «верстались» иногда казаки; «гулящие люди» приписывались к ремесленным цехам.

П. М. Головачев, изучавший социальный состав населения Иркутска в конце XVII века, пришел к следующим выводам: «Гулящие люди» были «бродячею Русью» XVII в. По своему географическому происхождению они преимущественно были из поморских уездов—яренчане, вологжане, усольцы, устюжане и т. п. В то время, как на западе Сибири—в Тюмени, в Тобольске—они все более исчезают в последней четверти XVII в., в Иркутске их еще много в конце века и они переходят в XVIII век. Мессершмидт в конце 20 годов XVIII в. упоминает о «гулашнике» Илье в Красноярске, который занимался добыванием курганного золота. Не трудно усмотреть в этом «гулашнике» обыкновенного «гулящего человека» старинной Руси»[19]. Гонимые нуждой и голодом «гулящие люди» попадали в кабалу к купцам-ростовщикам, зверопромышленникам, слободчикам, монастырям, становились пашенными крестьянами. В этом отношении положение «гулящих людей» было неустойчивым: «вольные гулящие люди» превращались в кабальных и тяглых...

Как представители обездоленной бедноты, «гулящие люди» принимали активное участие в восстаниях Ивана Болотникова (1606—1607 гг.), Степана Разина (1670—1671 гг.) и других народных волнениях XVII века. «Гулящих людей» мы встречаем и среди сибирских повстанцев XVII столетия.

Крестьяне Сибири не были однородны по своему положению. Из крестьян, «живших своей пахотой», имевших небольшую пашню, примитивные орудия и средства сельскохозяйственного производства, выделялась беднота, поставлявшая кадры «гулящих» и «работных людей». Вместе с тем существовала группа крестьян-мироедов, которые эксплуатировали труд работных людей, занимались торговлей и ростовщичеством. Представители этой группы являлись агентами-посредниками купцов (скупка пушнины и продукции сельского хозяйства), выступали в роли слободчиков, «прибиравших» крестьян на «государеву пашню», откупщиков винного, пивного, банного откупа и пр. Они были деревенскими «мироедами», связанными с торговыми людьми и царской администрацией. Во время восстаний XVII века, когда пахотные крестьяне, «гулящие» и «работные» люди вместе выступали против царских сатрапов, «мироеды» оставались на стороне воевод и приказчиков. Особенно ярко это сказалось, как мы увидим ниже, в Бирюльском восстании 1691—1692 годов...

[19] П. М. Головачев. «Состав населения и экономический быт Иркутска до 40-х годов XVIII в.». «Первое столетие Иркутска». Сборник материалов. СПб. 1902 г. Стр. 177.

«Ясачные мужики» отличались от русских крестьян по характеру основных занятий и податному тяглу. Народы Восточной Сибири в XVII веке были преимущественно «людьми кочевными», занимались главным образом скотоводством и охотой. Известно, что у некоторых бурятских племен (эхиритов, булагатов) существовали также зачатки земледелия в форме посевов проса, гречихи, ячменя, но эти зачатки являлись неустойчивыми и давали лишь небольшое подспорье к основным занятиям.

В документах XVII века среди народов Сибири различались следующие социальные группы:

1. «Князцы» и «лутчие люди».
2. «Улусные люди», «мужики ясачные».
3. «Холопы».

Наличие этих групп, классовая сущность которых будет характеризована ниже, свидетельствует о социальном расслоении. «Князцы» и «лутчие люди» (нойоны у бурят, тойоны у якутов) представляли собою класс крупных скотовладельцев патриархально-феодального типа. Они обладали главным богатством тогдашнего общества—скотом и пушниной, вели меновую торговлю с соседними племенами, сосредоточивали в своих руках власть над «улусными людьми». Бурятские князцы до завоевания Прибайкалья брали ясак со своих киштымов (данников) из других племен. Известен характерный документ, относящийся к 1641 году, в котором рассказывается, как бурятские князцы хвастались, что они берут ясак со многих землиц:

«Князец Бокой да князец Борочей,—читаем в этом документе,—со служилыми людьми стали спорить и государево величество почали себе ни во что ставить: ясак-де мы с себя ни в которую землю не даем, а сами со многих землиц ясак емлем, да ныне-де государю вашему ясак не дадим и вас к себе в холопы разберем и из своей земли не выпустим»...[20]

«Улусные люди» или «мужики ясачные»—это крестьяне, занимавшиеся скотоводством, охотой, рыболовством, добычей соли, железа и кузнечным делом. Они подвергались эксплуатации со стороны князцев и нойонов, которые производили ясачные поборы с крестьян, эксплуатировали их путем отдачи скота на выпас за приплод и отработки.

«Холопами» являлись, с одной стороны, рабы, захваченные в плен во время войн и набегов на другие племена, с другой стороны—бесскотная беднота, попавшая в кабалу к крупным скотовладельцам.

---

[20] Дополнения к актам историческим. Том II. № 28.

После завоевания Сибири князцы и нойоны потеряли своих киштымов, ставших ясачными людьми царизма; «улусные люди», которые прежде подчинялись непосредственно своим князцам, стали подчиняться царской администрации, платя ясак и отбывая разные повинности. Прекратились захваты нойонами и князцами военной добычи и ясыря (пленных).

Сами князцы из «улусных владельцев» превратились в подданных московского царя. Однако, бурятские нойоны, якутские тойоны и другие представители патриархально-феодальной знати быстро приспособились к новой социально-политической обстановке: они вошли в контакт с царизмом на почве совместной эксплуатации трудового населения, стали проводниками политики царской власти по отношению к народам Сибири.

Став агентурой царизма, нойоны добивались сохранения своих привилегий, закрепляли за собой значительную долю административных функций, используя их для эксплуатации «ясашных мужиков». Зайсаны, ясаулы, шуленги (титулы нойонской администрации), собирая ясак для царской казны, распределяя казенные повинности, присваивали часть поборов с крестьян в свою пользу. Нойоны обязывались смотреть, чтобы среди улусных людей не было «шатости», т. е. волнений, восстаний, побегов, и жестоко наказывать «ослушников». Улусные люди жаловались, что зайсаны и шуленги «чинили им обиды и разоренья». «Ясачные мужики» находились в тисках двойного гнета: со стороны своих нойонов и со стороны царской администрации.

«Ясачные иноземцы» платили ясак пушниной и скотом. Единицей измерения ясака был соболь. Стоимость различных объектов ясачного сбора переводилась на стоимость того или другого количества соболей. В Восточной Сибири в XVII веке, кроме соболя, бывшего главным предметом ясачного платежа, ясак собирали: бобрами, выдрами, горностаями, лисицами, рысью, белками, росомахами, волчьими, медвежьими, лосиными, оленьими шкурами, лошадьми и рогатым скотом. Для ясака устанавливался «соболинный оклад», не отличавшийся, однако, достаточной определенностью. Сбор его производили различно, то с улусов, то с человека, то по родам. Им облагались все мужчины от 18 до 50 лет. Малолетние платили половину. В Восточной Сибири ясачный оклад колебался от 2-х до 6 соболей с человека в год. Иногда он был выше, смотря по зажиточности, семейному положению, богатству местности пушниной. Фактически «ясачные плательщики» были вынуждены сдавать ясак значительно больше установленного оклада. С них собирали еще «поминки государевы, воеводские и дьячьи». Формаль-

но они считались «добровольными подарками» царю, воеводам и дьякам, фактически же отличались от ясака только тем, что не имели определенного оклада. Это обстоятельство можно хорошо проследить, например, по ясачным, «приправочным» книгам Илимской воеводской приказной избы[21]. Эвенки, жившие в Нижнеилимской волости, платили «поминки» одновременно с ясаком. Причем характерно, что не только за ясак, но и за «поминки» взыскивалась недоимка. Количество платежа увеличивалось еще от произвольной оценки мягкой рухляди сборщиками и уплаты по раскладке за выбывших. В результате накапливалась большая недоимка. Например, в 1703 году эвенк Телько Бурухин со своим сыном имел оклад ясака в пять соболей и поминок—один соболь. Между тем с него взыскивали («приправляли») еще недоимку за 19 предыдущих лет—71 соболь. Сборщики ясака совершали вымогательства и захваты «мягкой рухляди» и скота в свою пользу. В совокупности получалась сумма поборов, далеко превышавшая установленный ясачный оклад.

Одновременно со сбором ясака производилась скупка пушнины для казны. Для привлечения местных князцов к большему взносу пушнины их поили «государевым горячим вином», давали подарки, являвшиеся по существу формой уплаты. В 1682 году нерчинский воевода Воейков писал енисейскому воеводе, прося о присылке «подарочной казны», что приезжают в Нерчинск «ясачные князцы разных родов и бьют челом о подарках». Они просили сукна, котлы, топоры, ножи, огнива, удила. Сборщикам не разрешалось покупать мягкую рухлядь для себя и торговать своими товарами, особенно т. н. «заповедными» (оружием, вином, табаком). До окончания ясачного сбора торговцам и промышленникам запрещалось скупать пушнину, но эти запрещения обходились и служилыми людьми и торговцами. Торговля сделалась монополией царского правительства, отправлявшего через своих агентов «государевы товары для покупки соболиной», а также служилых людей и купцов, получавших особые «проезжие грамоты».

Царская администрация приказывает эвенкам, которые вели меновую торговлю с бурятами, меняя пушнину на скот и просо, продавать мягкую рухлядь, оставшуюся после уплаты, исключительно «государевым торговым и промышленным людям». Приказывалось, чтобы эвенки «в иные землицы, в браты и мунгалы, тою мягкою рухлядью не торговали, и из государевой земли той своей рухляди в чужую землю не отвозили».

Из предметов русской торговли в Восточной Сибири во вто-

[21] Исторический Архив Иркутской области. Фонд Илимской воеводской приказной избы. Дело № 53.

рой половине XVII века известны: сукна, холст, кумач, миткаль и другие материалы, прядево неводное, котлы медные, тазы, железо и медь для различных поделок, ножи, топоры, огнивы, удила, косы-горбуши, сошники, хлеб, соль, вино, табак и проч. Со стороны народов Сибири главными товарами были: пушнина, лошади, крупный рогатый скот, овцы. Преобладала меновая торговля, но постепенно развивалась и денежная. Деньги упоминаются в числе предметов, присылаемых в Сибирь для «покупки соболиной». Монополистический характер торговли открывал широкий простор для торгово-ростовщической эксплуатации сибирского населения купцами и агентами царской власти путем чрезмерных цен на товары, обмана, вымогательства, спаивания, ростовщичества.

Представители царской администрации, духовенство, промышленные и торговые люди стремились порабощать улусных людей. В период завоевания Восточной Сибири пленники (ясырь), если их не выкупали родственники, фактически обращались в рабов. Их не только продавали в Сибири, но и «вывозили на Русь». Об этом говорит грамота 1649 года на имя енисейского воеводы Федора Полибина, в которой читаем:

«Посылаютца из Енисейского острогу на нашу государеву службу на Байкал озеро енисейские служилые люди и привозят в Енисейский острог с Байкала озера братских людей полоняников, мужской пол и женский, и в Енисейском остроге тех полоняников продают торговым и промышленным людям, и торговые и промышленные люди покупают тех полоняников и, записав в таможню, вывозят на Русь, в съезжей избе купленных людей никого не объявляют».

В 1683 году тобольский и сибирский митрополит Павел писал игумену Троицкого Селенгинского монастыря:

«Даурские многие жители... живут с некрещеными иноземками блудно беззаконством, ребят приживают и, прожив с ними, тех иноземок продают, а себе для блудного беззаконного дела иных некрещеных иноземок покупают»...[22].

После завоевания Сибири способом порабощения являлось насильственное крещение в православие, т. н. «крещение в неволю». «Крещеные» не возвращались в родные улусы, а закрепощались за своими «крестными», которые могли даже продавать их.

Известны вкладные записи в Троицкий Селенгинский монастырь, когда в качестве вкладов вносилось не только имущество, но и люди. Например, в 1701 году нерчинский казак

22 Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653—1726). Казань. 1875 г.

Плотников положил в монастырь «вкладом за сто рублей денег купленого своего дворового парня мунгальской породы крещеного, именем Митку с женою ево Мариною Микитиною дочерью, да с дочерью ево Миткиною девкою в вечно»[23]. Сам Плотников взял этого «дворового парня» по «закладной кабале» (долговой расписке) у своего должника приказного Свечникова.

В списках «холопных» и «пашенных» крестьян Троицкого Селенгинского монастыря упоминаются «новокрещеные». Они получали русские имена и фамилии («Константин, Максимов сын, новокрещеной», «Тимофей Дмитриев сын Тунгусов», «Степан Глуховцев, мунгальской породы новокрещен» и т. д.), но это были буряты, монголы и эвенки (тунгусы), «крещеные в неволю»[24]. Одни из них становились монастырскими холопами, непосредственно работавшими в монастырском хозяйстве, другие—«пашенными крестьянами», которые, имея свое хозяйство, обязывались вместе с тем платить монастырю оброк и отбывать различные повинности. И те и другие были закрепощены за монастырем.

В процессе своего распространения «крещение в неволю» стало входить в противоречие с интересами царской казны. «Крещеные» изолировались от своих соплеменников, отрывались от их хозяйственной жизни. В результате они уже не выплачивали ясак в царскую казну. Таким образом крепостническое государство теряло плательщиков ясака. «Крещеные в неволю» совершали побеги, улусные люди боролись против порабощения. Поэтому царское правительство ограничивает, а затем запрещает «крещение в неволю».

По указу 1733 года предписывалось: «которые ясашники невольно побраны и распроданы, и тех, кои не приняли веры христианской и греческого исповедания и не крещены, отпускать в прежние места, а которые ж крестили, таким дается свободное жительство в городах и уездах между крестьянами собою и у кого хотят»[25]. Фактически этот указ выполнен не был и понадобился новый, изданный в 1744 году. Лишь в 40-х годах XVIII века «крещение в неволю» исчезает. Однако, насильственное крещение в православие и закабаление улусных людей путем ростовщичества проявляется и в дальнейшем.

В 40-х—50-х годах XVII века происходил целый ряд вос-

---

[23] Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653—1726). Казань. 1875 г.

[24] Архивное Управление Бурят-Монгольской АССР. Фонд Троицкого Селенгинского монастыря.

[25] Читинское Областное Архивное Управление. Фонд Нерчинской воеводской канцелярии. Дело № 4.

станий бурят, якутов, эвенков и других народов Восточной Сибири против «лихих воевод», приказчиков, начальников казачьих отрядов. Эти восстания были вызваны грабежами, насилиями, порабощением ясыря (пленников) и чрезмерными поборами со стороны агентов царской власти.

Та или другая местность считалась уже покоренной. Устраивались укрепленные зимовья и остроги, заводились небольшие пашенные заимки, собирался ясак. Острожная администрация и подчиненные ей служилые люди чувствовали себя господами положения. Как вдруг, неожиданно для них, поднимались восстания. Восставшие убивали или изгоняли из улусов сборщиков ясака, отказывались платить его, вытесняли служилых людей со своей земли и осаждали остроги. Однако, на помощь осажденным приходили новые отряды из других острогов. Действуя «огненным боем» (огнестрельным оружием) против лучного и копейного боя восставших, эти отряды восстанавливали пошатнувшееся положение царской администрации и расправлялись с повстанцами.

В первой половине XVII века восстания не раз возглавлялись князцами, как традиционными военными начальниками. В дальнейшем наблюдается другое явление: во главе улусных людей становились во время выступлений против царской администрации не князцы, а «ясашные мужики». Князцы же, как мы знаем, пошли на сделку с царизмом, который давал им награды и гарантировал различные привилегии. «Улусная аристократия» становилась помощницей царской администрации в области управления ясачными мужиками и эксплуатации их. Улусные люди вели борьбу то явную, то скрытую как против царских сатрапов, так и против своих князцов.

В 1684 году происходило довольно крупное восстание якутских «ясашных мужиков» под предводительством братьев Орюкана и Дачиги Секуевых. Восставшие совершали нападения на якутскую знать, «развоевав Якутский уезд, лутчих людей побив». Тойоны, напуганные восстанием, обратились за помощью к воеводе, а Секуев заключил тогда союз с эвенками, восставшими на Омолоне. Восстание Секуевых стало принимать широкие размеры, но все же оно было подавлено. Воевода жестоко расправился с восставшими: Орюкана Секуева четвертовали, а его сподвижников повесили.

В 1689 году иркутский воевода писал о «братских мужиках», которые «бывают повсегодно в шатости», убегают от ясачного платежа и «живут в вольности». Они скрывались в Тункинских горах у монгольской границы вместе с монголами, бежавшими от притеснений со стороны халхасских тайшей. В

1692—1698 годах среди бурят, ушедших в дальние места, выдвинулся, как предводитель, улусный человек Богачей. Он совершал набеги на Тункинский, Бельский остроги, Иркутское зимовье, подходил к городу Иркутску.

Богачей расправлялся с царскими агентами из русских служилых людей и вместе с тем нападал на кочевья бурятских нойонов, захватывал их имущество, угонял скот.

Несмотря на попытки иркутских властей захватить его, Богачей продержался со своими сородичами 6 лет. Наконец, в 90-х годах XVII века «ясашные мужики», как мы увидим ниже, принимали участие в восстаниях русских крестьян, посадских и рядовых служилых людей. В то время, как улусная знать становилась агентурой царизма, ясачные крестьяне сближались со своими соседями—русским трудовым населением.

Крестьяне и посадские назывались в XVII веке «жилецкими» людьми, в отличие от служилых людей. Первые относили «государево тягло» (подати и повинности), вторые—«государеву службу». Посадскими называли жителей городов и острогов, занимавшихся ремеслами, промыслами, торговлей, сенокошением и содержанием скота, земледелием («хлебные оботчики»). Самые прозвища некоторых посадских людей Иркутска в 1699 году говорят, что они были ремесленниками: Евсевий, Митя, Филипп и Борейко Кузнецы, Афанасий Токарь, Василий Котельщик, Иван Колокольник, Дмитрий Каменщик, Иван Кирпишник, Семен Скорняк и др. Среди жителей Илимского острога упоминаются кузнецы, кожевники, мельники, бронники, выделывавшие пищали (ружья) и др. оружие, судовые уставщики и плотники, работа которых имела большое значение для сплава по рекам Ангаре и Лене. В 1705 году, например, «велено Илимским и Усть-Кутцким судовым уставщиком и рядовым плотником сделать в якуцкой епуск в нынешнем 705 году под илимские, ленские и ангарские хлебные и соляные запасы и под казну десять дощеников на Устькуцком да на Устьилгинском плотбищах по две барки больших, итого 4 барки, а на конопат к тем дощеникам и баркам велено накавать из государева железа против прошлого 704 года по девяти сот на дощеник, по пяти сот на баржу скоб судовых конопатных, итого всего 11 тысяч скоб»[26]. Таким образом предстояла значительная работа не только плотникам, но и кузнецам. Судовые уставщики—мастера, руководившие рядовыми плотниками при постройке судов. Кроме того илимский воевода назначал «судового дела быть в под-

---

[26] Исторический Архив Иркутской области. Фонд Илимской воеводской канцелярии. Дело № 75.

даче у плотников», т. е. помогать им, плотничьих детей. Работая в качестве подмастерьев, они учились ремеслу.

Иркутские ремесленники в конце XVII и начале XVIII века ковали серпы и косы, делали пищали, котлы, колокола, кирпичи, производили изделия из кож, плотничали, варили мыло, писали иконы и пр. Часть посадских работала на мельницах, казенных винокурнях, пивоварнях, солеварнях в качестве винокуров, пивоваров, солеваров, подварков (их помощников) и просто «работных людей». Посадские, имевшие пашню, платили в казну оброк отсыпным хлебом и причислялись к разряду «хлебных оброчников». Из промыслов среди жителей городов и острогов были распространены рыболовство и ямщина. Известно, что иркутяне в XVII веке ловили рыбу в Иркуте, Ангаре и Байкале (преимущественно омуль) и промышляли нерпу (байкальский тюлень). Те, кто занимался извозом, разделялись на ямских подрядчиков, бравших подряды на поставку грузов, и простых ямщиков. Некоторые из посадских вели мелочную торговлю, отправлялись на промысел пушных зверей и ломку слюды, заменявшей в древней Руси оконные стекла. В тех случаях, когда торговля и промысел становились из подсобных занятий основными, посадские включались в разряд торговых и промышленных людей.

Верхи торговых людей в XVII веке составляли крупные по тому времени именитые купцы—«гости». В Сибири они, обыкновенно, действовали через своих приказчиков. Например, в 80-х годах XVII века приказчики московского гостя Гавриила Никитина продавали привозные товары и скупали пушнину в Томске, Туруханске, Енисейске, Илимске, Якутске, Нерчинске и других местах. «Никитин вел торговые дела во всех важнейших пунктах Сибири,—пишет С. В. Бахрушин,—и его приказчики разъезжали с товарами во всех направлениях по обширным пространствам Сибирской равнины». Проникали они и в Китай.

Встречались «гости», хотя и менее крупные, и в самой Сибири. В Иркутске в 80-х годах XVII века действовал гость Иван Ушаков, в распоряжении которого находились приказчики и работные промышленные люди. Кроме лавок, Ушаков имел мельницы по реке Иде, получившей в дальнейшем название Ушаковки.

Приказчиками были лица, служившие предпринимателю по вольному найму, на известных условиях, устанавливавшихся договорами, либо за определенное жалование «из годового найму», либо из доли прибыли. В свою очередь приказчики нанимали от имени хозяев «лавочных сидельцев», которым поручали

вести торговлю в отдельных городах Сибири, пока сами находились в разъездах по торговым делам. «Для всякого вспомогания и работы и (товарного) бережения» в распоряжении купцов и приказчиков находились дворовые и работные люди. Первые являлись несвободными людьми, вторые работали по найму. Дворовые люди у купцов, промышленников, высших служилых людей, духовенства составлялись из «крещеных в неволю» (см. выше) и попавших в кабалу неоплатных должников. Известно, что приказчик гостя Никитина Пикалев делал в нерчинской покупочной книге записи расходов на покупку «крещеных в неволю»:

«За парня дано, да крещение и от молитвы—всего 4 р. 10 алт.

Рубашек и штанов, кожан ролдужной, двои чулки, одне яренковые, дано за все, издержано—1 р. 2 а.

Шапка лисья, под вершком—1 р. 10 а.

Часовник—полтина.

За ученье—издержано 11 а. 14 д.

Тулуп тарбаганный под китайкой—стал 31 а. 4 д.

Ермулук суконный—дано, стал 1 р. 6 а.

Да от шитья дано—3 а. 2 д»...[27].

В роли ростовщиков, закабалявших гулящих людей, крестьян и посадских, выступали: крепостническое государство, дававшее под проценты натуральные и отчасти денежные ссуды—«подмогу» переселенцам в Сибирь, казенные и частные слободчики, купцы, духовенство, представители царской администрации, откупщики (винный и другие откупы). В тех случаях, когда должники не имели возможности погасить долг с нараставшими процентами, они по кабальным записям (долговые расписки) и «по судному делу» (по суду) выдавались кредиторам «в зажив головою», чтобы «отжить урочные годы», т. е. отработать долг. Эти «выданные» должники и становились дворовыми людьми своих кредиторов.

Промышленными людьми в широком смысле этого слова назывались лица, основным занятием которых были промыслы: пушной, рыбный, добыча соли, железной руды, слюды. В конце XVII века существовали соляные варницы в Усть-Куте (по реке Лене), в «Иркутском Усолье» (по Ангаре, теперь г. Усолье), по речке Ичере (Киренский район) и на «Соленом озере» в 12-ти верстах от Селенгинского острога (Западное Забайкалье). В окрестностях Балаганского острога с давних пор добывалась

---

[27] С. В. Бахрушин. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. М. 1926 г. (Оттиск).

железная руда, о месторождении которой в этой местности русские переселенцы узнали от бурятского племени булагатов. Железную руду добывали также в Илимском районе. Слюду «брали» по речке Слюдянке, впадающей с юго-восточной стороны в Байкал, по реке Тасеевой (левый приток Ангары) и в других местах. «А на той реке Тасеевы,—писал Спафарий,—берут слюду. Да с правые стороны впала в реку Тасей река Усолка, и в том месте соль варят, а варят соль из Енисейска». Главным, наиболее доходным, промыслом считался в XVII веке пушной.

Промышленные люди разделялись на предпринимателей, снаряжавших промысловые отряды для охоты за пушниной, рыболовства, добычи слюды, железа, имевших соляные варницы, и на «покрученников» или «покручников». Последние «покручивались», т. е. закабаляли себя на известную работу за то, что предприниматель вносил за них государственные повинности, кормил во время промысла и давал очень небольшое вознаграждение. Остальные рабочие на этих промыслах назывались вообще работными людьми. Обыкновенно «покручники» набирались из «гулящих людей» и «новопашенных» крестьян, экономическое положение которых было менее устойчивым по сравнению со старожилами.

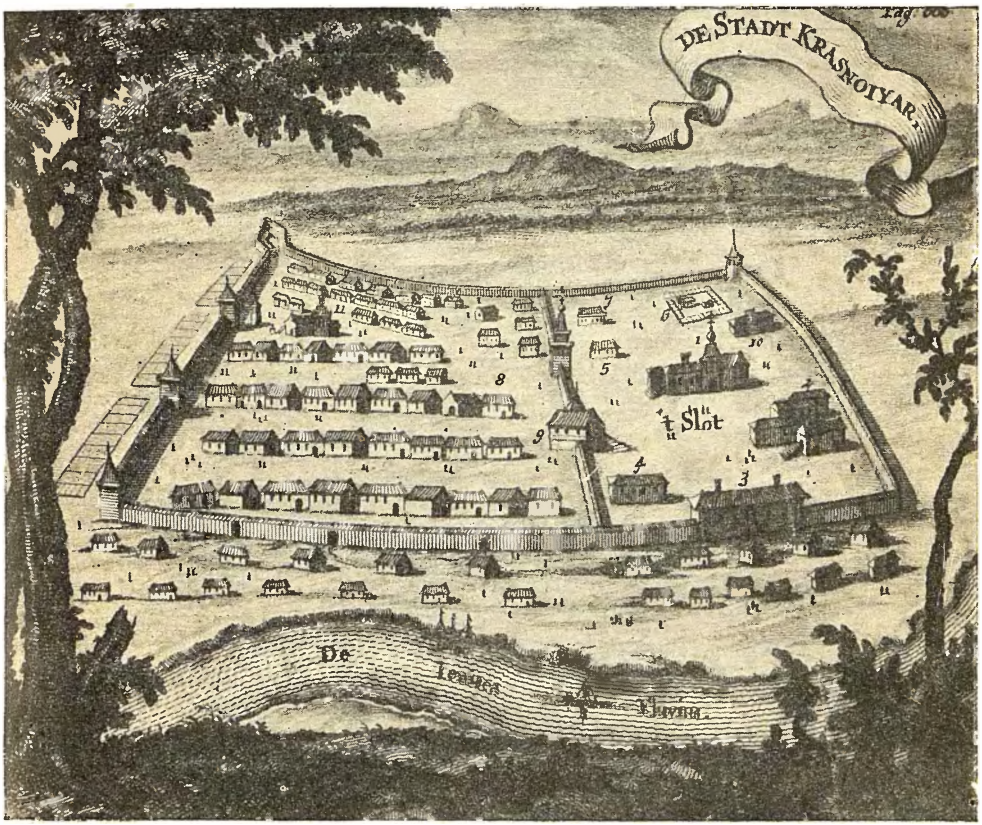
Жители городов и острогов, как и деревенское население, обременялись разнообразными натуральными и денежными сборами. Окладные сборы составлялись из посадского, лавочного, базарного, хлебного и покосного оброков, площадного, «пролубного» и других откупов. Все посадские облагались годовым оброком, сумма которого была различна в зависимости от состоятельности плательщика. Например, в 1699 году посадские Иркутска уплачивали от 8 алтын, 2 денег (около 30 копеек) до 2 рублей годового оброка, а в среднем—около 1 р. 40 коп. Необходимо отметить, что деньги тогда, в условиях преобладания натурального хозяйства, были очень дороги и доставались посадским с большим трудом. 5—6 рублей составляли годовое жалование судовых плотников. Кузнец за косу и серп получал алтын (3 копейки); плотники за постройку новой избы в Иркутском государевом дворе, где жили воеводы,—6 рублей. Корова стоила 1—3 рубля, лошадь 2—4 рубля, бочка омулей—2 р. Посадские платили оброк за покосные угодия, а имевшие пашни вносили в казну «отсыпной хлеб», «пятинный хлеб». Городовые оброки собирались с лавок, базарной торговли, мельниц, кузниц, бань, постоялых дворов. Посадские платили деньги «на седельное и уздяное дело». Существовали откупы: площадного письма или посадского челобитного письма (по сбору

пошлин с челобитных и различных деловых бумаг); «пролубной» (с прорубей на речках в зимнее время), винный, пивной и квасной. Неокладные сборы слагались из пошлин «судных», «мировых», «приводного», «правого десятка», пошлин с «поверстки», «явчих с пив и браг». Если посадский судился в «государевой судной избе», совершал торговые сделки, нанимался на работу или сам нанимал, варил пиво, брагу, ловил рыбу, с него брали пошлины. В Иркутске, например, с рыбного промысла уплачивалась «десятая пошлина» (деньгами).

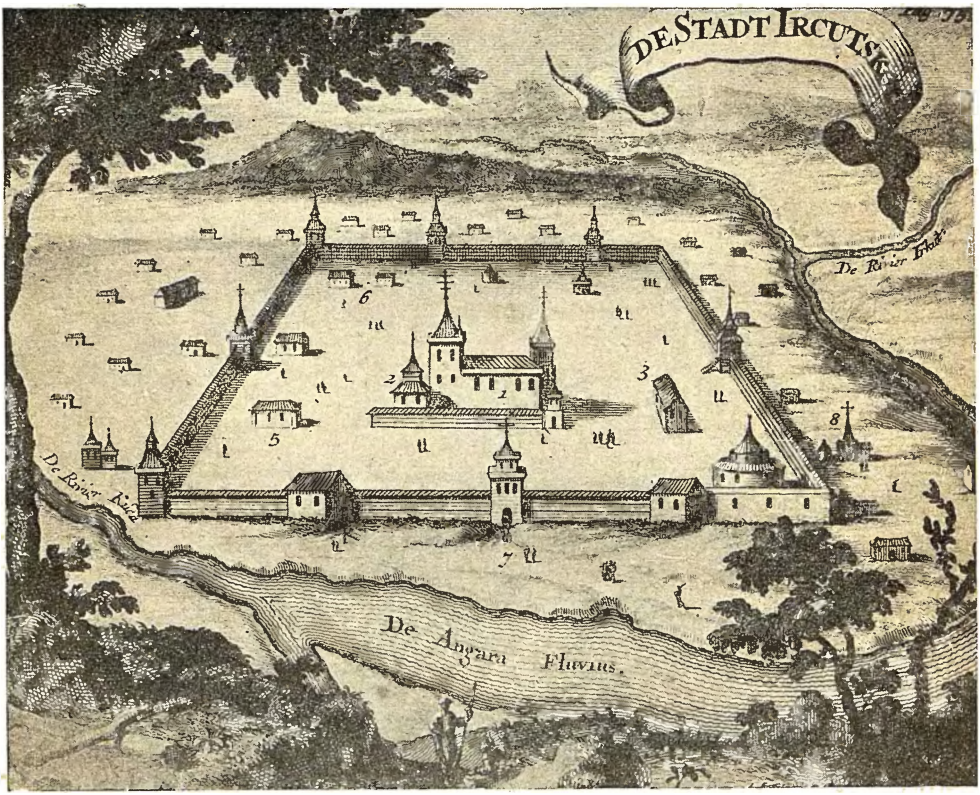
Приезжавшие в сибирские города торговые и промышленные люди платили годовой оброк по полтине, а «гулящие»—по 25 коп. с человека. Со всех товаров, продаваемых в Сибири, взималась в таможнях «десятая пошлина» по гривне с рубля. Если товары оставались в гостиных дворах, за них брали «поанбарное»—по 3 алтына в неделю. С сибирских товаров: хлеба, рыбы, лошадей, скота и дешевой пушнины собирали пошлины деньгами, а с ценной мягкой рухляди (соболей, бобров, песцов, лисиц), мамонтовой кости и китайских товаров—натурой. Пошлины взимали не только с купцов, их приказчиков, но и со «всяких чинов людей»—крестьян, посадских, промышленников. Продававшие хлеб «своей пахоты» вносили пошлину по 10 денег (5 копеек), а перекупщики хлеба—по гривне с рубля. Продавцы лошадей и рогатого скота уплачивали погривенную пошлину, а покупатели—«пошерстное» (по шесть денег с лошади) и «роговое» (по 2 алтына с коровы). С соляных варниц взимался «пятый пуд» выдельной соли, а с проданой «остаточной» соли—пошлина. Кроме десятой («по-рублевой») пошлины с каждой продажи брали «печатные пошлины» в размере 8 алтын 2 деньги. Почти во всех городах Сибири существовали внутренние таможни.

Местная администрация вела строгий учет взыскания посадского тягла. Для этой цели составлялись именные оброчные книги посадских, сметные книги окладных и неокладных расходов, таможенные, пивные, винные и другие книги. Воеводские приказные избы имели денежные и хлебные повытья (отделы), ведавшие приходом и расходом казенных сборов. Кроме того посадские под денежной ответственностью обязывались выбирать земских старост, ведавших главным образом поступлением оброчных сборов, раскладка и непосредственный сбор которых производились «окладчиками» и «сборщиками». Сбор косвенных налогов совершался «целовальниками».

Обремененные поборами, тяжесть которых увеличивалась произволом местной администрации, посадские, чтобы избавиться от «тягла», совершали побеги с мест своей приписки. В «Кни-



Город Красноярск в конце XVII века.
(Из книги Н. Витзена „Noord en Oost Tartarye". Амстердам. 1692 г.)



Город Иркутск в конце XVII века.
(Из книги Н. Витзена „Noord en Oost Tartarye". Амстердам. 1692 г.)

ге иркуцких посадских людей именной окладным денежным оброкам» за 1704 год читаем: «И с иркуцкие те посадские люди оброк взять не на ком: в Иркуцком городе и уезде несысканы, бежали в прошлых годех»[28]. Побеги от «тягла» и притеснений со стороны царской администрации являлись одной из форм, очень распространенной в XVII веке, социального протеста, но не раз этот протест выражался в более яркой и решительной форме: посадские вместе с рядовыми служилыми людьми и крестьянами поднимали восстания.

К концу XVII века значительно изменилось положение рядовых служилых людей (казаков, стрельцов). В Сибири все реже и реже становились походы в «новые землицы», доставлявшие казакам «прибытки», состоявшие преимущественно из военной добычи. Период бродячей жизни заканчивался, казакам приходилось обращаться в оседлых поселян. Часть из них находилась на действительной службе, получая «государево денежное соляное и хлебное жалованье». В Илимском уезде, например, служилые люди «пешей казачьей службы» получали ежегодно «денег пять рублев, хлеба две четверти, полтора осмин ржи, две четверти овса, полтора пуда соли». Казаки, находившиеся в запасе («беломестные»), наделялись пашенной землей и сенными покосами. Они не получали жалования, а служили «с пашни» и не платили податей. За эту льготу «беломестные» казаки, жившие в приграничных острогах и слободах, обязывались защищать их от нападений кочевников. «Беломестные» являлись также резервом для пополнения служилых казаков.

Служилые казаки комплектовались прежде всего из «казачьих детей, братьев, племянников», затем из гулящих людей, новокрещеных «ясачных иноземцев» и ссыльных, в том числе из пленных иностранцев: поляков, литвинов, немцев и других, т. н. «казаки литовского списка». Комплектование производилось в «убылые места», т. е. по числу свободных вакансий служилых людей в той или другой местности. Казаки «верстались» по приказам местной администрации или по челобитным «охочих людей». Казачья служба в Сибири была разнообразна. После завоевания Сибири казаки и стрельцы охраняли ее рубежи от набегов зарубежных воинских людей и сами отправлялись в походы против них (эти походы назывались «посылками»), а также несли караульную и другую службу внутри обширного края. Казаков командировали для сборов ясака с «ясачных иноозем-

---

28 «Первое столетие Иркутска». Сборник материалов по истории города. СПб. 1902 г. Стр. 27.

цев»; служилые люди охраняли «соболиную казну» и доставляли ее вплоть до Москвы, на их же обязанности лежала доставка денежной товарной «государевой казны», приказной переписки, хлебных, соляных, воинских припасов и «государева горячего вина». Наконец, казаки отправлялись на поиски полезных ископаемых (железной и серебряной руды, слюды), выступали в роли мореплавателей, открывавших неизвестные места, и посланников к соседним зарубежным владельцам: китайскому богдыхану, ойратским и монгольским ханам. Казаки в своих челобитных просили жалованья «за кровь и раны» в боях с южными кочевниками, заявляли, что им приходилось терпеть холод, лишения и «умирать голодною смертью» на крайнем севере.

В 70—80-х годах XVII века в городах Томского разряда: Томск, Кузнецк, Красноярск, Енисейск, Якутск, Селенгинск, даурские (забайкальские) остроги, Албазин числилось 3626 служилых людей, из них налицо 2453 человека и «в посылках» 1173. Так как скудное «государево жалование» не удовлетворяло служилых людей, казаки, свободные от «посылок», не говоря уже о «беломестных», стали заниматься земледелием, скотоводством, ремеслами, мелкой торговлей, приближаясь по характеру своих занятий к крестьянам или посадским.

В исторической литературе высказывалось мнение, что «самая главная льгота казаков состояла в том, что они были избавлены от «поборов и изделий на государя» и через то от вымогательств воевод»[29]. Между тем произвол царской администрации обрушивался и на казаков: воеводы, приказчики и другие начальники (атаманы, сотники, пятидесятники) присваивали себе часть «государева жалованья», задерживали его выдачу, совершали злоупотребления при отводе земли, вымогательства, издевались над казаками. Например, в 1673—1676 гг. приказчик Нерчинского острога, сын боярский, Павел Шульгин приказывал бить казаков батогами, вымогал с них взятки, скупал хлеб, привозимый из «братских острогов» (Илимского, Братского, Балаганского и Иркутского), и продавал его по дорогой цене. Между тем денег у казаков не было. В результате они стали «нужны и бедны и умирали голодною смертью». Измученные казаки отказались повиноваться Шульгину, не пустили его в приказную избу, выбрали нового приказчика и подали на Шульгина челобитную.

Казаки освобождались от податного тягла, но на них ложилась тяжесть «государевой службы», и они, как и другие группы сибирского населения, становились жертвами произвола цар-

[29] Васильев. Забайкальские казаки. Чита. 1916 г. Том I.

Существовала целая лестница служилой иерархии. Верхушку ее составляли воеводы, назначавшиеся из князей, бояр и дворянской знати, затем шли «дьяки с приписью» и письменные головы, обыкновенно, из дворян «московского списка», являвшиеся ближайшими помощниками воевод, казачьи и стрелецкие начальники различных рангов, причислявшиеся в зависимости от положения и «выслуги» к сибирским дворянам и детям боярским. Сибирские дворяне, занимавшие командные должности, но не имевшие поместий, считались по сравнению с московскими как бы дворянами «второго сорта». На низшей ступени служилой лестницы стояли рядовые казаки и стрельцы. Главным сибирским воеводой считался тобольский, но фактически все воеводы самостоятельно управляли своими уездами и непосредственно сносились с Сибирским Приказом. Центром воеводского управления являлась «государева приказная изба», разделявшаяся на ясачное и денежное, хлебное, соляное, разрядное и судное повытья. Первое ведало ясачной «соболиной казной» и другими казенными сборами, их приходом и расходом. В хлебном повытье сосредоточивались дела о «государевой пашне», хлебных сборах, снабжении хлебом служилых людей, в соляном—о казенных варницах, продаже соли, отпуске «соляного жалованья», сборе «выдельной соли» с частных солеваров; в разрядном—о «государевой службе»: назначении, увольнении гражданских и военных чинов, «посылках» (командировки, походы) служилых людей и пр. Судное повытье ведало судом и расправой.

Воеводы и другие управители наделялись обширными, почти неограниченными полномочиями. В наказах воеводам после перечисления их обязанностей предписывалось «искать во всем государю прибыли и делать во всем смотря по тамошнему делу как его бог вразумит». По существу такая формула была формулой административного произвола. Воеводы и приказчики «искали во всем прибыли» не только «для государя», но и для себя. Они превращали подчиненные им территории в своеобразные вотчины и становились там почти полновластными хозяевами. Казнокрадство, взятки и вымогательства, закабаление «в неволю», пытки, грабежи и убийства являлись обычными фактами сибирской «административной практики» в XVII веке.

В 1645 году промышленные и торговые люди жаловались в мирской челобитной на якутского воеводу Головина: «А пытал он нас, холопей и сирот твоих, и жен наших позорил многими розными пытками и пойма по 2 и по 3 и по 4, а подучивал на товарищов своих, а давал ударов кнутних на одной пытке ста по полутора и больше и на костре огнем жог и стряски многим

давал, и воду на голову лил со льдом, и пуп и жилы клещами горячими тянул, и у рук мышки огнем жог, и голову клячом воротил, и по естеству по тайным удом прутьем стегал, и ребра ломал и свечами спину жог и уголье и пепел горячий на спину сыпал, и за ногти спицы колотил» и т. д.

К некоторым челобитным на сибирских управителей в конце XVII века прилагались обширные «обидные росписи» о тяжких обидах и насилиях, причиненных ими пашенным крестьянам, «ясачным иноземцам», посадским и казакам.

По характеристике соликамского летописца, в XVII—XVIII веках «Сибирь была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями, т. е. воеводами, комиссарами, приставами, для коих украсть, ограбить, даже убить человека из-за денег, продать душу за алтын считалось ни во что».

При описании сибирских восстаний в конце XVII века мы характеризуем нескольких представителей подобных «кормящихся властей». Бирюльский приказчик Халецкий, красноярские воеводы Башковские и Дурново, приказчик Братского острога Кафтырев, илимский воевода Челищев, иркутский воевода Савелов—все эти «мучители мирские и душегубцы» выросли на одной социальной почве.

Бремя «государева тягла» (казенных сборов и повинностей), лежавшего на сибирском трудовом населении, усугублялось лихоимством и насилиями со стороны воевод, приказчиков и других представителей царской администрации. В результате пашенным крестьянам, посадским, «ясачными иноземцами», казакам, перед которыми выдвинулась печальная перспектива—терпеть «томительные муки смертные», «разориться вконец» (выражения челобитных конца XVII века), становилось «не можно жить». Наконец, чаша народных страданий и народного гнева переполнялась до самых краев и выливалась в восстания...

ВОССТАНИЕ БИРЮЛЬСКИХ ПАШЕННЫХ КРЕСТЬЯН В 1692 ГОДУ

90-х годах XVII века в разных частях Восточной Сибири происходили восстания крестьян, посадских и рядовых служилых людей против воевод, казенных приказчиков и других агентов крепостнического государства. Известны восстания: в Бирюльской слободе, Красноярске, Илимске, Братском и Чечуйском острогах, Иркутске и Забайкалье. Первым из них было выступление пашенных крестьян Бирюльской слободы (теперь село Бирюлька, Качугского района, Иркутской области) в 1692 году.

Ближайшим поводом к восстанию бирюльских крестьян явились «налоги и обиды и нападки многие» со стороны местного приказчика Павла Халецкого, управлявшего Бирюльской и Тутурской волостями. Казачий пятидесятник Иван Потапов, бывший казенным приказчиком до назначения Халецкого, рассказывал, что в 7199 (1691) году якутским воеводой князем Гагариным был «прислан в Бирюльскую волость к нему, Ивашку, на перемену Павел де Халецкий и его Ивашка переменил. И был он, Павел, на приказе не долгое время и учинил пашенным крестьянам обиды и нападки многие, и пашенные крестьяне ему, Павлу, от приказу отказали и подали ему, Ивашке, челобитную за рукою, чтобы быть на приказе в Бирюльской волости ему, Ивашке, по прежнему наряду. А они де, пашенные крестьяне, Павлу Халецкому под суд не идут, для того, что де он, Павел, пашенным крестьянам чинит нападки и обиды и налоги великие»...[30].

[30] Иркутский Областной Музей. Коллекция свитков XVII века.

Первое выступление бирюльских пашенных крестьян против приказчика Павла Халецкого произошло 10 декабря 1691 года. К сожалению, сведения об этом выступлении крайне скудны. Известно только, что крестьяне, напав на приказчичий двор, захватили 900 горностаев, 20 соболей ленских, 40 пупков собольих, 3 лисицы красных, 10 лошадей, 10 штук рогатого скота, 100 пудов и 10 мешков хлеба, 3 хомута с шлеями и с наметками и 3 узды «по железу серебром насеканы».

Халецкий подал якутскому воеводе челобитную на бирюльских крестьян, обвиняя их в бунте и разорении «государевой вотчины». В свою очередь крестьяне жаловались на приказчика, что «был он, Павел, в приказе не долгое время и учинил крестьянам налоги и обиды и нападки многие». Кроме отправки челобитных в Якутск, Халецкий сначала ничего не предпринимал: он боялся нового выступления крестьян. Ничем особенно активным не проявляли себя и крестьяне, выжидая, видимо, как будет действовать в дальнейшем приказчик и его начальник якутский воевода.

Прошло два месяца. За этот период Халецкий стал причинять крестьянам новые обиды и нападки. С одной стороны, желая выслужиться перед начальством, приказчик стремился показать себя ревнителем интересов царской казны, с другой стороны, он вымогал с крестьян различные взятки и поборы в свою пользу. Халецкий составил и отправил якутскому воеводе «ужинную роспись» Бирюльской и Тутурской волостей, в которой указывалось, сколько крестьяне пахали «государевой пашни» и выделяли с нее хлеба в царскую казну. Приказчик обвинял крестьян, что они утаивают собственную запашку, чтобы меньше пахать «государевой пашни». В результате Халецкий начислил на крестьян выдельного хлеба «на государя» значительно больше, чем они платили раньше. Вместе с тем Халецкий «вымучивал» у крестьян скот и хлеб:

«Имал де он, Павел, у нас скот и хлеб, муча в колоде»,— жаловались крестьяне.

Павел Халецкий с помощью подчиненных ему служилых людей приводил того или другого крестьянина в приказную избу, заковывал в колодки (деревянные кандалы) и не отпускал до тех пор, пока крестьянин ни отдавал приказчику скотину или хлеб. Например, заковав в колодки крестьянина Михаила Дунаева, Халецкий «смучил с него сто пятьдесят пудов ржи бездельно не в честь», т. е. не для уплаты в казну, а «для своей корысти». Таким же образом приказчик «намучил» на Абрама Яковлева «дворовую кабалу». Халецкий принудил его дать кабальную запись, что он будет работать у приказчика, как бы в

уплату долга, хотя Яковлев не получил ни копейки. Подобные действия хищного и жестокого приказчика до крайней степени возбудили против Халецкого ненависть бирюльских и тутурских крестьян, и они решили избавиться от него.

Поводом ко второму выступлению крестьян Бирюльской слободы, происшедшему 4 февраля 1692 года, послужил следующий факт.

Халецкий, кроме хлеба, «вымучил» у крестьянина Михаила Дунаева «рогатую скотину—быка». «Не стерпя муки от Павла Халецкого, рассказывал Дунаев, он, Мишка, посулил ему, Павлу, рогатую скотину—быка, и прислал де к нему, Мишке, Павел по быка дворового своего человека Абрашку Яковлева да казака Вахрушку Синькова, который был у него, Павла, в деньщиках, да двух промышленных людей»... [31]

На этот раз попытка приказчика встретила решительный отпор со стороны пашенных крестьян. Узнав, что к Дунаеву пришли люди, посланные Халецким, и хотят увести быка, «вымученного» приказчиком, почти все пашенные крестьяне Бирюльской слободы собрались во двор Дунаева. «Были у него, Мишки, в избе, все в скопе—для совету»,—сообщал в дальнейшем во время допроса казак Федор Бука. Крестьяне заступились за Михаила Дунаева, обижаемого Халецким, и заявили посланцам приказчика, что теперь они не будут ему давать ни скота ни хлеба. На «мирском совете» бирюльские крестьяне решили итти к судной избе, где находился Павел Халецкий, и ему «от приказу отказать» (отстранить от управления), потому что он «чинил им великие налоги и обиды и нападки». Сказано-сделано. Крестьяне, вооружившись «дубьем» и батогами, окружили судную избу и заявили Халецкому, что они «ему, Павлу, не подсудны и слушать де ево, Павла, ни в чем не будут». Крестьяне требовали, чтобы Халецкий вышел из приказного двора и убирался вон из Бирюльской волости. По рассказу Федора Буки:

«Пришел де он, Федька, к приказному к Павлу Халецкому поклонитца, а около де двора стоят все Бирюльской волости пашенные крестьяне з дубьем. И он де, Федька, прошел в сени и в избу, а пашенные крестьяне, стоя де на дворе, крычали и говорили невежливо и бранили (Павла Халецкого) и от приказу отказывали: мы де не подсудны, выдь де из государева двора вон и из волости»... [32] Приказчик отказался подчиниться требованию крестьян и угрожающе заявил:

---

[31] Иркутский Областной Музей. Коллекция свитков XVII века.
[32] Там же.

«Для чего де они пришли к государеву двору скопом и заговором и бунтом».

Крестьяне не испугались угроз и решили добиваться выполнения предъявленных требований, а Халецкий со своими служилыми людьми заперся в «государевом дворе» и «судной избе». Царский приказчик был осажден восставшими крестьянами, окружившими плотной стеной весь «государев двор» и «судную избу».

«Он де, Павел,—рассказывал Федор Бука,—сел от пашенных крестьян запершись в осаду, и он де, Федька, с ним де, Павлом, в осаде, и, не отходя от двора, крестьяне лазили на сенную кровлю и кровлю ломали, попадали в сени, а некоторые ходили вечером по домам и пришли к ночи с бердышами и ночью клали огни и государев двор зажигали. И Павел де Халецкий им, пашенным крестьянам, сказал, для чего де они пришли к государеву двору скопом и заговором и бунтом, и опасаючись за них, пашенных крестьян, приходу, принес он, Павел, из амбара ружье, две пищали да пару пистолет да два лука и принеся раздал им, Федьке с товарищами. Ему, Федьке, дал пищаль, а Абрашке лук, Вахрушке Ситникову пистоль, Федьке Щуприну пищаль, гулящему человеку Тимошке Сажану лук, потому что де те люди были все»...[33]

Однажды из окна судной избы раздался выстрел. Крестьяне сочли это вызовом со стороны Халецкого и его служилых людей. Крестьяне, «послышав счолк пистолетной, к государевой избе приступали, в окна поленьем били и жердьем совали».

Во главе восставших бирюльских крестьян стояли крестьянин Василий Седых со своими сыновьями и Степан Синьков, прозванный Стенькой Разиным. Видимо, это прозвище было дано ему неслучайно: память о восстании крестьян и казаков во главе со Степаном Тимофеевичем Разиным, происходившем в 1670—1671 годах, постоянно жила в народе, передаваясь из поколения в поколение через рассказы, песни, легенды, проникавшие и в далекую Восточную Сибирь. Ко времени бирюльских событий 1692 года прошло всего двадцать лет с тех пор, как происходило восстание Степана Разина. Часть участников этого восстания, уцелевшая от кровавых расправ, была после жестоких наказаний сослана в Сибирь, а некоторые бежали в сибирскую глушь, спасаясь от преследований. Они приносили с собой рассказы об этом крупном народном движении XVII века и бунтарские традиции. Восставшие бирюльские крестьяне на «мирском совете» составили «заединачную запись» о том,

---

[33] Там же.

чтобы им стоять друг за друга как один человек, и друг на друга не «выдавывать», т. е. не доносить.

Вечером 4 февраля 1692 года повстанцы пришли к судной избе уже сравнительно лучше вооруженными. Кроме дубин и батогов некоторые из них раздобыли огнестрельное оружие—пищали и бердыши (боевые топоры с длинной рукояткой). Ночью во дворе судной избы разложили костры; восставшие угрожали поджечь «государев двор» вместе с осажденным в судной избе Павлом Халецким и его служилыми людьми. Вокруг двора ходили вооруженные крестьяне: они несли караулы и, по старому обычаю караульных, били в деревянные доски. Восставшие захватили имущество приказчика и разделили между собой. Осада судной избы продолжалась около десяти дней.

10 февраля 1692 года группа восставших под предводительством Василия Седых и Степана Синькова («Стеньки Разина») ворвалась, наконец, ночью в судную избу и стала избивать приказчика Халецкого. Впоследствии Халецкий доносил воеводе:

...«Меня, холопа вашего, бранили всячески неподобною бранью и говорили, что де нам Иван Потапов велит тебя, Пашка, убить, живот твой велит пограбить. Да, в нынешнем же году, февраля 10 числа, в 4-м часу ночи приходили воровски и разбоем в государеву судную избу бунтовщики и воры, Васька Седой з детьми и с товарищи, с Стенькою, что называетца Разиным. И меня, холопа вашего, с постели здернули и поленом били на смерть—руку и ногу правую перешибли и хребет во многих местах збили и хозяйство мое пограбили.

Многие крестьяне из судной избы меня выгнали и держали в осаде на вашем, великих государей дворе дней десять, и я, холоп ваш, убояся от них, воров, смертного убийства, дела многими крестьянами отдал и про те дела ведает поп Бирюльской волости для того, что он те дела у меня, холопа вашего, в то время имал и их крестьянам отдавал.

А некоторые служилые люди были из Якутска для всяких ваших государей дел и тех они служилых людей из судной избы выпрашивали и убить хотели и после того бунта тех служилых людей от меня, холопа вашего, разогнали и из волости вон выгнали.

И пожитченки мои всякие и лошаденки и всякий рогатый скот весь в то время пограбили и разделили по себе. И от приказу мне, холопу вашему, отказали. Самовольно выбрали без вашего, великих государей, указу на мое, холопа вашего, место приказного Ивана Потапова»... [34]

---

[34] Иркутский Областной Музей. Коллекция свитков XVII века.

Халецкий в своей челобитной скрывал действительные причины выступления крестьян против него: он изображал это выступление, как результат интриг и подстрекательства со стороны бывшего приказчика Ивана Потапова, желавшего занять свое прежнее место, и «разбойных» намерений Василия Седых и Степана Синькова («Стеньки Разина») с товарищами.

Любопытно, что подобное объяснение Халецкого и его сторонников было целиком воспринято А. А. Иониным, описавшим содержание свитка о бирюльских событиях 1691—1692 гг. Критикуя объяснения приказного Ивана Потапова, которого обвиняли в том, что он взбунтовал бирюльских пашенных крестьян, Ионин пишет:

«На эти объяснения Потапова нужно заметить, что они совсем неосновательны и неуважительны во 1-х потому, что он самовольно занял место казенного приказчика и, без разрешения подлежащих властей, вступил в отправление должностных обязанностей; во 2-х потому, что Павел Халецкий никак не мог учинить уж очень больших обид и притеснений бирюльским пашенным крестьянам, так как, по словам самого же Потапова, был он, Павел, на приказе не долгое время» [35].

Ионин, подобно другим буржуазным историкам, характеризовал крестьянское восстание, как разбойничий бунт, вызванный подстрекателями, действовавшими из своих корыстных побуждений. Между тем, как свидетельствует совокупность всех известных нам исторических материалов, Бирюльское восстание, имевшее ряд местных особенностей, было одним из проявлений стихийной борьбы крестьян в XVII веке против социального гнета. Бирюльские крестьяне выступали «всем миром» против царского приказчика, причинившего им, несмотря на кратковременность пребывания в этой должности, «великие налоги и обиды и нападки». Сам Халецкий доносил воеводе, что его держали в осаде, выгнали из судной избы, «отказали от приказу» «крестьяне многие».

После нападения восставших на Халецкого 4 февраля 1692 года служилые люди, бывшие вместе с приказчиком, разбежались из судной избы. Крестьяне заставили Халецкого выдать им «дворовую кабалу» Абрама Яковлева и уничтожили ее. Таким образом Яковлев, закабаленный приказчиком, был освобожден от всяких обязательств по отношению к нему.

Кроме «дворовой кабалы» приказчик был вынужден выдать крестьянам через попа бирюльской церкви Микулина короб с

---

[35] А. А. Ионин. Новые данные из истории Восточной Сибири в XVII веке. Иркутск. 1895 г. Стр. 127.

«государевыми делами», т. е. со своим приказным делопроизводством. Устраняя Халецкого «от приказу», крестьяне стремились лишить его самой возможности «вершить государевы дела»...

После «осадного сиденья», продолжавшегося около 10 дней, казенному приказчику пришлось покинуть судную избу. Халецкий попрежнему считал себя приказчиком, но ему никто не подчинялся, и фактически он не имел никакой власти. 22 февраля 1692 года Василий Седых и его товарищи снова напали на Халецкого, поехавшего с женой покататься в санях. Напавшие отняли у приказчика саблю, оправленную серебром, нож в серебряной оправе, пищаль с натрускою (пороховницей) и хотели опустить Халецкого в прорубь. Они уже связали ему руки и повели к проруби, но «по его слезной просьбе» отпустили живым.

Крестьяне дали «зединачную запись», чтобы всем стоять друг за друга, как один человек, но полного единства между ними не было. Наиболее активную часть восставших составляла небольшая группа крестьян во главе с Василием Седых и Степаном Синьковым («Стенька Разин»). Вокруг них объединялись остальные пашенные крестьяне. Вместе с тем зажиточная часть крестьян и промышленные люди, занимавшиеся скупкой пушнины и торговлей, оставались на стороне Халецкого. Они подавали на участников восстания «изветные челобитные» (доносы) якутскому и иркутскому воеводам князьям Ивану и Матвею Гагариным. По «извету» Халецкого и его сторонников иркутский воевода приказал в марте 1692 года сковать бунтовщиков Степана Синькова, Василия Седых, «з детьми и с товарищи» и «по весне» выслать к своему брату якутскому воеводе. Однако приказчик Иван Потапов, сменивший по выбору пашенных крестьян Халецкого, не стал выполнять этот приказ. Наоборот, Потапов обрушился на прежнего приказчика и его сторонников.

Однажды Потапов приказал схватить Павла Халецкого, проходившего мимо его двора, «бесчестил его всячески, бил батогами, сажал в колоду и отнял у него шубу мерлушчатую овчинную под китайкой, опояску шелковую и ножнами и с ножем, платок безиной и в черезу 28 руб. денег и отдал промышленному Ровке Яковлеву». Между группой Василия Седых и сторонниками Халецкого еще долго продолжались частые столкновения.

После того, как бирюльские крестьяне «отказали от приказу» Павлу Халецкому, т. е. отстранили его от выполнения административных функций, они не решились, как это бывало во

время других сибирских восстаний в конце XVII века, выдвинуть вместо него свою выборную администрацию, а обратились с челобитной к прежнему приказчику, казачьему пятидесятнику Ивану Потапову. Крестьяне просили его «быть на приказе» в Бирюльской волости, чинить суд и расправу, выполнять обязанности по «государевой пашне». Вместо Халецкого приказчиком снова стал Иван Потапов. После дружного выступления подавляющего большинства крестьян 4 февраля 1692 года, в дальнейшем многие из них уже не проявляли прежней активности, успокоившись самым фактом смены приказчика Халецкого. По окончании осады судной избы борьбу продолжала лишь небольшая группа Василия Седых и Степана Синькова. Эпизодические столкновения этой группы со сторонниками Халецкого происходили на протяжении почти пяти лет. Сам Халецкий умер, но «изветы» на бирюльских бунтарей не прекращались. Якутским воеводой было начато следственное дело о восстании бирюльских пашенных крестьян, производившееся до 1699 года в Якутске, а затем передано в Илимск по случаю перечисления Бирюльской волости в присуд к Илимскому острогу. К сожалению, финал этого дела нам неизвестен.

Восставшие бирюльские крестьяне добились окончательного устранения ненавистного им Халецкого, но они, как и другие повстанцы XVII века, не изменяли самой системы управления крепостнического государства, на почве которой вырастали типы администраторов, подобных этому приказчику.

КРАСНОЯРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1695—1698 ГОДОВ

сибирских восстаниях в конце XVII века крупную роль играли посадские и рядовые служилые люди (казаки, стрельцы), составлявшие в противоположность местной аристократии: воеводам, приказным, сибирским дворянам и детям боярским, «именитым» купцам и промышленникам плебейские элементы городов и острогов. Не раз они являлись инициаторами восстаний, поднимая за собой пашенных крестьян и «ясачных иноземцев». Такая роль посадских и казаков определялась следующими причинами:

Посадские (ремесленники, хлебные оброчники, работные и «гулящие» люди, жившие в посадах, мелкие торговцы) сосредоточивались в городах и острогах, представлявших собою более значительные по тому времени населенные пункты, чем мелкие, разбросанные на большом пространстве, деревни. Крестьяне превосходили посадских и казаков по своей численности, но отличались большей раздробленностью. В 1675 году в Енисейске насчитывалось свыше 500 дворов, в Иркутске в конце XVII века было до 1.000 жителей, в Красноярске (по данным 1677 г.) проживало 622 человека служилых людей, не считая посадских, в Илимске в 1703 году находилось 103 жилых двора «опричь государева двора, где живут воеводы, и опричь приказной и таможенной избы и казенных амбаров и карауленной избы», а также 28 лавок и три церкви. Между тем в деревнях Илимского уезда было в среднем по 5—10 дворов в каждой. При меньшей раздробленности и относительной компактности городского населения посадские и казаки могли сравнительно легче сговориться на «мирском совете» и выступить «миром» против «лихих воевод». В то же время посадские часто соприкасались с

пашенными и ясачными крестьянами, приезжавшими в города и остроги для сдачи казенных сборов, выбора мирских старост и целовальников, продажи своей продукции и покупки товаров, заказов ремесленникам и т. д. В атмосфере общего негодования сибирского трудового населения против лихих управителей посадские и казаки во время восстаний довольно быстро устанавливали связь с крестьянами, призывая их на «мирские советы», отправляя по деревням своих посланцев с «воровскими письмами» (так, по официальной терминологии, назывались в XVII веке бунтарские воззвания). Проживая в административных центрах, вокруг «государевых дворов», где находились воеводы и приказные, посадские и казаки не раз первыми поднимались против «мучителей мирских и душегубцев», отказывались повиноваться им, отстраняли их от «приказу», т. е. от выполнения административных функций, держали в осаде «государевы дворы», приказные избы, вступали в схватки со сторонниками воевод и приказчиков. К жителям города, острога присоединялись пашенные и ясачные крестьяне, в результате восстание охватывало весь уезд или острожный присуд. Особенно характерны в этом отношении Красноярское восстание 1695—1698 годов, Братское и Илимское восстания 1696 года.

По характеристике историка Красноярского восстания Н. Н. Оглоблина, в нем «участвовали преимущественно служилые люди, но «шатость» была и между жилецкими людьми города и уезда, между посадскими, крестьянами, ясачными людьми. По крайней мере жилецкие люди если не всегда участвовали открыто в бунте, то всегда неизменно сочувствовали и всячески содействовали ему тайно, а явно подавали челобитные на злоупотребления воевод. «Весь город и уезд» добровольно и охотно признавали власть «выборных судей» [36].

В 1694—1695 гг. красноярским воеводой был Алексей Башковский, восстановивший против себя служилых жилецких и ясачных людей.

Все они в своих челобитных обвиняли воеводу в лихоимстве, «обидах и разорениях», называя его «грабителем и разорителем». Обижая красноярцев, Башковский брал также «великие взятки» товарами, деньгами, «ясырем» (пленными) с бухарских, киргизских и калмыцких торговых людей, приезжавших в Красноярск. Лихоимство воеводы вызывало недовольство зарубежных торговцев, «а в результате—калмыцкие и киргизские «воинские люди» стали «приходить войною» на Енисейский и

[36] Н. Н. Оглоблин. Красноярский бунт 1695—1698 гг. Стр. 3. Цитаты из документов о Красноярском восстании приведены по этой книге.

Красноярский уезды». Наконец, красноярцы обвиняли Алексея Башковского в «изменном деле»—государственной измене. Они заявляли, что воевода через своего человека Якова Аргамачка продавал в киргизской «немирной орде» не только лошадей и разные товары, но также порох и свинец, считавшиеся «заповедными товарами». Между тем киргизские «воинские люди» использовали этот свинец и порох во время набегов на Красноярский уезд. Таким образом получалось, что Башковский снабжал боевыми припасами неприятелей, с которыми приходилось сражаться красноярским служилым людям.

Поступки воеводы «грабителя и разорителя», совершавшего «изменные дела», привели к тому, что красноярцам стало «жить не мочно» и они решили избавиться от плохого управителя. Среди служилых людей образовались две группы. Первую составляли противники воеводы. К ней примыкало большинство служилых людей во главе с детьми боярскими: Трифоном Еремеевым, Дмитрием Тюменцевым, Григорием Ермолаевым, Алексеем Ярлыковым, Кононом Самсоновым. На этот раз к восстанию рядовых служилых людей примкнула часть детей боярских, но в дальнейшем они отстранялись от «мирского дела», переходили на воеводскую сторону, становились доносчиками, изменниками. В процессе развития красноярского восстания, продолжавшегося три года, все больше и больше проявлялся антагонизм между казаками и служилой аристократией—детьми боярскими. Во главе небольшой группы сторонников воеводы стоял сын боярский Василий Многогрешный. Они пытались оказать противодействие выступлению противников воеводы, но это им не удалось.

Служилые люди, недовольные воеводой, начали собирать казачьи «круги» (сходы), устраивать свои «думы и советы». Наконец, они решили открыто выступить против Алексея Башковского. 16 мая 1695 года толпа служилых людей собралась перед приказной избой и объявила воеводе, что ему «отказывают от воеводства». Башковский стал угрожать толпе и требовать выдачи «пущих заводчиков», т. е. инициаторов и руководителей выступления, но противники воеводы не испугались угроз и продолжали настаивать на «отказе от воеводства». Разойдясь от приказной избы, одни из участников выступления пошли на воеводский двор и начали захватывать имущество Башковского, другие отправились по дворам сторонников воеводы, принявшись «разорять домишки и грабить животишка» (имущество). Сопротивлявшихся «били смертным боем». Воевода Башковский, опасаясь за свою жизнь, немедленно выехал в Енисейск. Противники воеводы торжествовали. Вместо бежавшего Алек-

сея Башковского были избраны для управления городом и уездом «судьи» Трифон Еремеев и Дмитрий Тюменцев. К ним переходили воеводские административные функции, но власть их была ограничена «советом» старших служилых людей и «думою», представлявшей собою собрание всех участников движения.

Сторонники воеводы еще пытались оказать противодействие выборной администрации. Они надеялись на помощь со стороны сына боярского Степана Иванова, который возвращался в Красноярск с «государевою соболиной казною» и своими «прибытками», награбленными с населения во время годовой службы приказчиком Удинского острога. Иванов был приверженцем Башковского, от которого получил назначение на выгодную для «кормления» должность острожного приказчика. Еще до приезда Иванова в Красноярск навстречу ему выезжали воеводские сторонники и вели с ним какие-то переговоры. После приезда Иванов «сразу стал в неприязненные отношения к выборным судьям и их товарищам; те схватили его, отобрали у него соболиную казну и все его пожитки, а самого его убили». Напуганные сторонники Башковского временно присмирели.

Выборные судьи и их товарищи отправили в Москву новую челобитную на Алексея Башковского. Они заявляли, что им стало невозможно жить с «лихим воеводой» и просили заменить его «добрым».

В Красноярск назначили нового воеводу—брата Алексея Башковского, ожидался приезд «сыщика» для расследования злоупотреблений прежнего воеводы и розыска о майском восстании 1695 г. С тревогой встретили красноярцы нового воеводу Мирона Башковского, приехавшего в августе 1695 года: они опасались, что он будет мстить за своего брата, изгнанного из Красноярска. Вместе с Мироном приехал для сдачи дел Алексей Башковский, но, испугавшись начавшегося брожения служилых людей, постарался поскорее, даже не успев закончить сдачу, убраться из города.

Еще до приезда Мирона Башковского многие служилые люди, опасаясь его мести за брата и прибытия «сыщика» для розыска о восстании, выехали из города, скрываясь у своих родственников и знакомых по деревням. В результате количество воеводских противников в самом городе значительно уменьшилось. Поэтому служилые люди, замышлявшие выступление против воеводы Мирона Башковского, стали призывать «деревенцев» обратно в Красноярск. В сентябре 1695 года группа «деревенцев» во главе с Василием Обуховым направилась в город. Башковский, узнав об этом, отправил навстречу им своих сто-

ронников, заявивших от имени воевод «деревенцам всяких чинов служилым людям», чтобы они «в Красноярск многолюдством не ездили». Но «деревенцы» не обратили на это запрещение никакого внимания и продолжали продвигаться к городу. Тогда воевода отправил в деревню Севостьянову казачьего десятника и десять казаков с «наказной памятью» приказному человеку этой деревни Федору Симонову об аресте «смутителей» деревенцев Василия Обухова и Ивана Гендоурова. Однако Самсонов не только отказался исполнить приказ воеводы, но и сам примкнул к Василию Обухову. Воеводские посланцы были вынуждены вернуться в Красноярск. Дорогой они встретили новую группу деревенцев, шедших в город из села Бузимского, Юксеевской, Нахвальной, Шиверской и других деревень.

Приближение деревенцев и проникновение некоторых из них в Красноярск ободрило противников воеводы, начавших собирать на городских площадях народные «круги». Башковский, видя приближавшееся восстание, угрожал «город выжечь и вырубить», но эти угрозы лишь усилили народное негодование против воеводы. Круг его противников становился все шире и шире; служилые люди устанавливали связь с посадскими, русскими и ясачными (татары) крестьянами.

11 ноября 1695 года воевода Мирон Башковский, опасаясь восстания, заперся со своими сторонниками (их было около 50 чел.) в «малом городе», представлявшем собою острожную крепость, где имелось оружие и боевые припасы.

Брожение красноярцев вылилось в восстание. 14 ноября раздался набат в Покровской церкви, послуживший сигналом для сбора служилых людей, посадских, подгородних крестьян и ясачных татар. Все они с оружием и казачьими знаменами двинулись к «малому городу», где находился воевода и его сторонники. Мирон Башковский вышел на крепостную стену. Восставшие заявили ему об «отказе» от воеводства, а затем захватили «все без остатку» имущество воеводы, находившееся в «большом городе».

Мирон Башковский, боявшийся выходить за пределы «малого города», пробыл в осаде с 14 ноября 1695 года до конца августа 1696 года, т. е. около 10 месяцев. Он фактически был отстранен от власти над городом и уездом, хотя и считал себя попрежнему красноярским воеводой. Народная «дума» избрала новую администрацию в составе 7 судей: сына боярского Григория Ермолаева, атамана Михаила Злобина, сотника Ивана Поспелова и Симона Белянина, пятидесятников Петра Муравьева и Лариона Ростовца, десятника Тимофея Потылицина. «Любопытен этот состав судей,—пишет Н. Н. Оглоблин.—Из

служилой аристократии города избрано только два лица (Ермолаев и Злобин), следующие 4 судьи (сотники и пятидесятники) принадлежали к низшим начальным людям, а последний судья был представителем рядовых служилых людей». Характерно, что оба представителя служилой аристократии оказались в дальнейшем ненадежными для «мирского дела». В апреле 1696 года сын боярский Григорий Ермолаев был смещен казаками с судейской должности. Ему не только «от всяких дел отказали», но посадили «в судную избу и на цепь сковали и приковали к стене, и убить хотели». Атаман Михаил Злобин летом 1696 года после приезда воеводы Дурново, сменившего Мирона Башковского, «совсем изменил миру и перешел на воеводскую сторону»...

Еще в самом начале осады «малого города» Мирон Башковский успел отправить «отписки» в Москву, Тобольск и Енисейск, прося помощи против восставших. «На перемену» Башковского тобольский воевода назначил временным красноярским воеводой тобольского дворянина Федора Тутолмина, приехавшего в Красноярск в феврале 1696 г.

В Красноярске создалось своеобразное «троевластие»: а) Номинальный воевода Башковский, находившийся в «малом городе», б) Федор Тутолмин, приехавший «на перемену» Башковского, в) 7 судей, избранных красноярским «миром». Как Башковский, так и Тутолмин не обладали никакой властью, являясь воеводами только по имени. Все административные функции сосредоточивались в руках выборных судей, которые «делали всякие государевые дела»: собирали в казну ясак с ясачных людей, хлеб с пашенных крестьян, оброчные деньги, таможные и прочие сборы, ведали разрядными (о служилых людях), судебными делами и т. д. «Весь город» и «весь уезд» добровольно и без всяких замешательств подчинились красноярским выборным судьям и стали забывать порядки воеводского управления» [37]. Однако, вскоре красноярцам пришлось снова вспомнить об этих порядках.

Летом 1696 года в Красноярск царь назначил нового воеводу стольника Семена Дурново, которому было поручено произвести розыск по делу о злоупотреблениях Алексея и Мирона Башковских и о Красноярском восстании. Приехав в августе в Красноярск, Дурново со своей свитой, не вступая ни в какие переговоры с красноярцами, отправился в «малый город» к Мирону Башковскому для принятия воеводства. Всем «осадным си-

---

[37] Н. Н. Оглоблин. Красноярский бунт 1695—1698 годов. Стр. 12.

дельцам» Дурново приказал разойтись по домам, сказав, что их не тронут. Между тем, когда воеводские сторонники вышли из крепости, противники Башковского стали разоружать их и бить. Напуганные этим нападением, осадные сидельцы выезжали из Красноярска в Енисейск и другие места.

Дурново приступил к «принятию» города и уезда от Мирона Башковского. По существовавшим тогда правилам новый воевода был обязан по особой «росписи» принять от старого: царские грамоты и указы, ключи от города и городские постройки, оружие и боевые припасы, казенный хлеб, деньги и мягкую рухлядь (пушнину), ясачные, окладные, оброчные и другие книги. О принятии воеводства сообщалось в Сибирский приказ с приложением «росписи» принятого. Мирон Башковский нарушил ряд этих правил, так как торопился уехать в Енисейск, «убоясь от красноярцев себе смертного убойства». Он выехал из Красноярска ночью, и Дурново не мог произвести подробной проверки «росписи».

Сначала отношение большинства красноярцев к новому воеводе было двойственным: с одной стороны, они опасались репрессий за восстания; с другой, не теряли надежды, что воевода, присланный царем, будет не «лихим», а «добрым».

Однако, последняя надежда не оправдалась. Вскоре красноярцы убедились, что Дурново, как и его предшественники, является «лихим воеводой». Дурново игнорировал многочисленные жалобы на злоупотребления Башковских и стремился «обелить» их. Для этой цели воевода угрозами и насилиями «вымучивал» «скаски» (показания) и челобитные, благоприятные для Башковских, а их противников всячески преследовал. Красноярцы жаловались, что Дурново начал их «теснить, в тюрьму и за караулы безвинно сажать, и в оковы ножные, и в ручные железа назад руки заковывать, и мучить, и своими руками бить». Притесняя служилых, посадских и ясачных (татары) людей, воевода оказывал покровительство своим приверженцам, во главе которых стояли представители служилой аристократии: дети боярские В. Многогрешный, П. Чанчиков, М. Ближневский, М. Врублевский, П. Дорошкеев, атаман Ф. Кольцов и городского духовенства: игумен Филипп, соборный протопоп Д. Матвеев и др. Жалование служилым людям Дурново выдавал «не в ровенстве—иному много, а иному мало, а иным ничего не дал». Воевода «научил» своих приверженцев возбуждать «иски непомерные» против городских и уездных людей, от которых они вынуждались откупаться «многоми посулы» (взятками) и терпели «многое разорение»...

Снова заволновались красноярцы. На «разорителя» Дурново

одна за другой посылались челобитные в Москву и приехавшему в Сибирь «сыщику» думному дьяку Полянскому. Первые челобитные были поданы ему летом 1697 года в Кецком остроге, куда выехали красноярцы Иван Злобин и Качка Торомов с товарищами. Первый привез челобитную от русских служилых людей, второй—от служилых и ясачных татар. Затем посылались новые челобитные.

Челобитчики жаловались, что от «всяких страстей и гонения и нападок» воеводы Дурново многие служилые люди разбежались из Красноярска. Этот «гонитель и разоритель» «многих людей переувечил—головы испроломил палками», брал взятки, «бил батогами на смерть». Представители служилых и ясачных татар Качинской землицы Карачан Тайларов с товарищами жаловались на многие притеснения со стороны воеводы и его приверженцев. В апреле 1697 года Дурново отправил в один из улусов 50 казаков под начальством пятидесятника, которые разбили и разграбили шесть юрт и захватили «в полон» женщин. В декабре 1697 года воевода приказал своим приверженцам избить «дубьем» татар, приезжавших в Красноярск для взноса ясака. Карачана Тайларова за подачу челобитных на Башковских и Дурново воевода угрожал «пытать и повесить». Тайларову удалось бежать, но приехавший за ним атаман Злобин с казаками схватил его жену и сестру, разграбил имущество. От притеснений воеводы многие татары «разбежались по тайгам и лесам».

Узнав о подаче челобитных, воевода еще больше рассвирепел. Дурново начал челобитников и вообще недовольных им «изгонять и разорять пуще прежнего», приказывал своим приближенным «хватать» их и батоги бил многих до полусмерти». «Вымучивая» ложные показания, воевода стремился Башковских и себя «во всем оправить, а красноярских служилых людей во всем обвинить». В таком же направлении действовал сыщик сын боярский Елагин, присланный в Красноярск енисейским воеводой Римским-Корсаковым. По приказу Дурново несколько челобитчиков были схвачены и отправлены в Енисейск, енисейский воевода посадил их в тюрьму и «морил томною голодною смертью напрасно».

Злоупотребления одного из агентов крепостнического государства—воеводы Дурново и его приверженцев принимали такие размеры, что стали затрагивать государственные интересы. Опасаясь лихого воеводы, ясачные татары откочевали подальше от Красноярска и прекратили платеж ясака, что приносило ущерб «соболиной казне». Многие служилые и жилецкие люди ушли в Енисейск и другие города или «разбежались по лесам

и острогам». Между тем получились тревожные вести о том, что киргизские и калмыцкие воинские люди и князцы Киргинской землицы собираются идти войною на Красноярск.

В тяжелое для красноярцев время воеводских репрессий некоторые участники выступлений против Башковских из среды служилой аристократии изменили мирскому делу и переметнулись на сторону воеводы, некоторые затихли, попрятались, оказались пассивными; часть активных деятелей красноярских событий 1695—1696 годов была арестована, но борьба против лихого воеводы и его приверженцев продолжалась, то временно затихая, то поднимаясь с новой силой. Несмотря на преследования со стороны Дурново, круг участников этой борьбы все расширялся и расширялся. Кроме прежних «заводчиков» Красноярского восстания: Дмитрия и Аники Тюменцевых, Тимофея Потылицина, выборного подъячего Михаила Семенова, С. Потехина, Г. Ошарова и др. выдвинулись новые руководители служилых и жилецких людей. По мнению Н. Н. Оглоблина, подробно изучавшего материалы Сибирского Приказа о Красноярских событиях 1695—1698 годов, во время воеводства Дурново в Красноярске существовала выборная организация, «но она держалась в такой глубокой тайне от большинства, что даже розыск сыщика Полянского не открыл нам имен «выборных судей» этого времени»...

В конце 1696 года Дурново, видимо опасавшийся выступления своих противников, последовал примеру братьев Башковских—перебрался с воеводскими приверженцами в «малый город», «большими воротами затворился» и велел пушки «снарядить на большой город». В малый город возилось оружие и боевые припасы. Сначала воевода, затворившись в малом городе и устроив его охрану, выезжал по делам в большой город и Красноярский уезд. Лишь позже, в 1697 году, Дурново оказался «в осаде».

Все эти действия воеводы еще больше встревожили красноярцев. «По ночам в домах казаков Ильи и Петра Суриковых, Ивана Кузнецова и других стали собираться для «думы» и «совета» служилые люди, недовольные Дурново и его клевретами. Заговорщики заявляли, что красноярцам «житья нет» от «осадных людей», т. е. воеводы и его клики.

На тайных сходках служилых людей говорили: «осадных людей Василия Многогрешного с товарищи вырубим». Многие настаивали на немедленном «отказе» Дурново от воеводства. В 1696 году в праздник рождества воевода разрешил красноярцам придти на церковную службу в собор, находившийся в «малом городе». Часть противников воеводы предполагала вос-

пользоваться этим случаем, чтобы «вырубить» «осадных людей», но большинство воспрепятствовало этому. Неудачной оказалась и попытка казака Емельяна Смольянинова убить Дурново, произведенная 4 января 1697 года. Смольянинов был схвачен в «малом городе».

Тяжелый удар противникам воеводы нанесло предательство атамана Михаила Злобина (бывший «выборный судья»), Трофима Еремеева и сына боярского Конона Самсонова. Злобин и Еремеев подали Дурново «извет» (донос) о замыслах красноярцев, сообщив имена противников воеводы, которые немедленно после получения «извета» были арестованы. Большинство арестованных не открыло воеводе своих замыслов, не выдало никого из участников заговора, но Конон Самсонов с Михаилом Злобиным и Трофимом Еремеевым, вступившие на путь предательства, старались «уличать» противников воеводы. Число арестованных достигало 30 человек.

В конце января 1697 года Дурново стал получать извещения, что в деревне Павловской и других деревнях Красноярского уезда Потап Балаган, В. Канкарин, И. Щудров и другие служилые люди «возмущают народ и собираются по деревням и становятся кругами», намереваясь идти в Красноярск, чтобы «вырубить» «осадных людей» и «отказать» воеводе «от приказу», т. е. устранить его от власти. Таким образом выступление замышлялось не только в городе, но и в уезде.

Предательство Злобина и других «изветчиков», аресты ряда руководителей воеводских противников привели к тому, что попытка красноярцев поднять восстание в начале 1697 года не удалась, но движение против лихого воеводы не заглохло. Толчком к его подъему явился побег из тюрьмы большинства арестованных «заводчиков» Красноярского восстания в мае 1697 года. В июле 1697 года часть бежавших: Ошаров, М. Семенов, Потехин и др. стали призывать жителей Красноярского уезда к восстанию против Дурново. Волнения, начавшиеся в уезде, охватили Красноярск.

В августе 1697 года воевода Дурново, подобно своему предшественнику Мирону Башковскому, был вынужден стать из полновластного управителя городом и уездом «осадным сидельцем». Осажденный красноярцами воевода со своими сторонниками заперся в «малом городе», боясь выходить оттуда. Красноярцы решили взять «осадных сидельцев» «измором»: они прекратили доставку в «малый город» продуктов. 14 августа 1697 года Дурново сообщал в Енисейск сыщику Полянскому, что сидит «запершись в малом городе» и «осадные сидельцы помирают голодною смертью».

Думный дьяк Полянский, получив отписки Дурново и челобитные красноярцев на злоупотребления воеводы, пытался выступить в роли посредника между враждовавшими сторонами. Он обещал челобитчикам приехать в Красноярск для розыска о «всех неправдах» Дурново, но требовал, чтобы до его приезда красноярцы слушались воеводу и сняли осаду «малого города». Красноярцы согласились подчиниться требованию Полянского, надеясь, что и он выполнит свое обещание.

После переговоров своих челобитчиков с Полянским красноярцы допустили доставку продуктов в «малый город», но зорко наблюдали за воеводой, чтобы он не уехал из Красноярска до прибытия думного дьяка Полянского. Что же касается Дурново, то он попрежнему опасался выходить из «малого города». Время шло, а Полянский не приезжал в Красноярск. В конце 1697, начале 1698 года служилые и ясачные люди подают ему новые челобитные, прося сменить Дурново и произвести розыск о его злоупотреблениях. «Быть нам с ним невозможно»,—говорилось в одной из челобитных. Красноярцы жаловались, что воевода замышляет истребить челобитников, отправляя их против «немирных иноземцев в малом числе».

«Лутче бы нам на твоей государевой службе головы свои положить, нежели бы от них лихих воевод в темницах закованных томною голодною смертью помереть»,—заявляли челобитчики. Наконец в феврале 1698 года думный дьяк Полянский и его помощник дьяк Берестов решили сменить Дурново и назначить в Красноярск нового воеводу Степана Лисовского. Указ по этому поводу предписывал красноярцам «жить смирно, и мятежей никаких, и бунтов никаких не чинить, и у Степана Лисовского быть во всяком послушании». Всем нарушителям указа угрожали, что им «учинена будет смертная казнь без всякого розыску и милосердия и пощады». 12 февраля 1698 года указ был зачитан красноярским челобитчикам. Часть из них (10 русских и 3 татарина) были оставлены в Енисейске в качестве заложников до приезда Дурново, остальные отпущены в Красноярск.

Степан Лисовский, приехавший в Красноярск в феврале 1698 года, считался временным воеводой, «до государева указу». Он приступил к приему дел от Дурново, но последний не закончил сдачу, так как, боясь красноярцев, поспешил уехать в Енисейск под охраной енисейских казаков и своих «осадных сидельцев». Челобитчики на Дурново в Енисейск не поехали: они опасались, что лихой воевода будет на них «затевать всякие небылые дела» перед сыщиком Полянским.

Приехав в Енисейск, Дурново при содействии своих при-

верженцев стал добиваться восстановления в должности красноярского воеводы. «Сыщики видимо благоволили к Дурново,— пишет Н. Н. Оглоблин,—и явно направляли розыск к его оправданию. Пользуясь присутствием на розыске Дурново, сыщики оказывали такое давление на челобитчиков, что некоторые из них стали отказываться от обвинений против воеводы и переходили на его сторону. Сторонники Дурново прибыли в Енисейск почти в полном составе и «обеляли» воеводу всячески. Главари движения, арестованные в Енисейске, отказались от дачи показаний ввиду пристрастного розыска и лишения свободы.

В июле 1698 года Дурново был снова назначен в Красноярск воеводой, но пробыл там менее суток. Красноярцы, узнав о возвращении ненавистного им «разорителя», решили во что бы то ни стало не допускать Дурново на воеводство.

Ранним утром 2 августа 1698 года Дурново приплыл в Красноярск и, чувствуя себя полновластным управителем города и уезда, отправился прямо в приказную избу, где объявил подъячим о своем назначении на воеводство, приказал призвать Лисовского, а затем пошел в собор на молебен, отслуженный по его приказанию. В приказной избе Дурново взял красноярскую «государеву печать» и надел ее на шею. После молебна он встретился с Лисовским, предъявив ему указ о своем назначении и «сдаче» города.

Дурново надеялся на поддержку со стороны своих приверженцев, но их оказалось слишком мало. В воеводские хоромы собралось «на поклон» всего около 10 человек. Между тем противники воеводы не дремали. Весть о возвращении Дурново вызвала сильное волнение среди красноярцев. Едва воеводские сторонники поднесли ему «хлеб-соль», как к хоромам подошли служилые люди (русские и татары), всего около 50 человек. Они вызывали Дурново и кричали, что «отказывают ему от воеводства». Некоторые из них вошли в горницу и там еще раз заявили Дурново об этом «отказе». По настоянию воеводских сторонников и Степана Лисовского служилые люди ушли, но против Дурново поднималась новая, более грозная сила: посадский и служилый «мир» Красноярска.

В «большом городе» собрался многолюдный «круг», во главе которого стояли казаки: Федор Чанчиков, Афанасий Шалков, Иван Мезенин, Артем Смольянинов, Герасим Ошаров, Петр Суриков и другие активные участники выступлений против «лихих воевод». Народный сход, продолжавшийся более часа, решил удалить Дурново из Красноярска и применить против не-

го силу, если он не покинет города добровольно. Как только закончился «круг», красноярцы приступили к выполнению своего решения. У Спасской башни поставили караул в 30 чел.; Федор Чанчиков со своими товарищами отправился в «малый город», к воеводскому двору, а большинство участников «круга» осталось возле собора, составляя как бы резерв, который мог в любой момент двинуться на помощь. С волнением красноярцы ждали вестей из «малого города».

Федор Чанчиков и его товарищи, подойдя к воеводскому двору, вызвали Степана Лисовского и заявив: «нам на воеводство Семена Дурново не надобно», потребовали удаления последнего из Красноярска. Сам Дурново находился тогда в «мыльне» (бане), где отдыхал после обеда. Посланцы красноярского «круга» отправились от воеводских хором к бане. Они заявили вышедшему к ним Дурново, что до воеводства его не допустят, и он должен уехать из города. Дурново упрекал красноярцев в неподчинении царскому указу, по которому он назначен воеводой, но на эти упреки они не обратили никакого внимания. Дурново вернулся в «мыльню» и лег на постель. Когда часть восставших вошла после этого в баню, он встретил их криком и бранью. Вдруг на Дурново бросились казаки Мезенин и Шалков. Они его «с постели сдернули за ногу, и били под бока, и волосы драли», а затем вытащили на двор. Толпа подхватила ненавистного ей воеводу и начала избивать его. Лисовский пытался «отнимать» Дурново, но его отталкивали.

«Лихой воевода», бывший когда-то грозой Красноярского уезда, оказался в руках народа, который устроил над ним импровизированный суд. Дурново привели к собору, возле которого снова собрался народный «круг». После обсуждения вопроса о том, что делать с Дурново, красноярцы решили его посадить «в воду», т. е. «утопить». Единственным защитником «осужденного» оказался Лисовский, который, повидимому, опасался, что в случае расправы с Дурново придется отвечать и ему. Лисовский пытался отнять Семена Дурново, но Чанчиков со своими товарищами «Семена у него, Степана, из рук выхватили» и повели к реке Енисею. Лисовский пошел вслед за ними и все время уговаривал отпустить Дурново.

Под влиянием уговоров Лисовского мнения красноярцев разделились: одни продолжали требовать казни, другие колебались. Уже на берегу Енисея решили посадить Дурново в лодку и отправить из Красноярска. Так и сделали. Когда Дурново столкнули в лодку, многие из красноярцев бросали в нее камни, пытаясь «лодку угрузить и его, Семена, утопить». Все же с помощью Лисовского, некоторых сторонников и слуг Дурново, по-

следнему удалось уплыть в Енисейск. Больше он в Красноярск не возвращался и постарался поскорее уехать в Москву.

После изгнания Дурново, красноярским воеводой остался Степан Лисовский, но он пробыл на воеводстве всего 25 дней. После «лихих воевод» Алексея и Мирона Башковских, Семена Дурново Лисовский казался красноярцам «добрым воеводой», с которым «жить можно». Между тем царские «сыщики» думный дьяк Полянский и дьяк Берестов относились к нему под влиянием наветов Дурново с подозрением. Дурново, желая скрыть, что красноярцы изгнали его за прежние «гонения и нападки», изобразил свое изгнание, как результат подстрекательства со стороны Лисовского.

Полянский назначил красноярским воеводой приказчика Рыбного острожка дворянина «московского списка» Якова Бейтона. 22 августа 1698 года думный дьяк отправил Лисовскому указ о сдаче города новому воеводе, угрожая в случае неповиновения «смертной казнью безо всякого милосердия и пощады»... Бейтон получил от Полянского красноярскую «государеву печать», отобранную от Дурново, и выехал в Красноярск. Недружелюбно встретили его красноярцы. На торговой площади Бейтона задержали и долгое время не пропускали в «малый город», раздавались возгласы, что красноярцы не желают другого воеводы, кроме Лисовского. Бейтон показал толпе на «красноярскую государеву печать», как знак воеводских полномочий, и говорил, что он назначен вместо Лисовского воеводой «до указу великого государя». В ответ на это красноярцы закричали, что «государева печать» в городе не надобна», что Бейтона назначил «вор Полянский», на которого они подадут челобитную в Москву. Все же при содействии Лисовского Бейтону удалось пробраться в «малый город» и «принять» Красноярск от прежнего воеводы. В сентябре 1698 г. Лисовский уехал в Енисейск, где подал челобитную об отпуске его на место прежней службы.

Полянский и Берестов, начавшие в 1697 году розыск о красноярской «шатости» (волнениях), продолжали его в 1699 году. Красноярцы не давали себя в обиду. Участники «шатости» отказывались выезжать на допросы в Енисейск. Бейтон, которому сыщики приказывали высылать к ним участников Красноярского восстания, сам боялся их, сообщая Полянскому, что живет в «великом опасении». Наконец, царские сыщики решили сами выехать в Красноярск, но и здесь они ничего не добились. За 40 верст до города сыщики, плывшие на «дощанике» по Енисею, были встречены красноярцами во главе с Артемом Смольяниновым. Впоследствии в одной из отписок царю По-

лянский сообщал, что красноярцы, остановив дощаник, говорили сыщикам «с невежеством, с криком и с шумом, что они нас, холопей твоих, в Красноярск не пропустят, и послушны ни в чем не будут, и в розыске себя никого не дадут». Сыщики были задержаны красноярцами на пять дней, затем их пропустили в город, но «в розыск себя никого не дали». Вскоре сами Полянский и Берестов оказались под следствием: против них были возбуждены обвинения в злоупотреблениях по сибирским сыскам, которые они вели в течение двух лет. Розыск о красноярских «восстаниях» был прерван, а «шатость», продолжавшаяся три года, пошла на убыль. К красноярцам, изгнавшим трех «лихих воевод», назначили в 1700 году из Москвы двух новых: Петра и Федора Мусиных-Пушкиных, сменивших Бейтона.

Восстания 1695—1698 гг. в Красноярске отразились за пределами Красноярского уезда. Существовала какая-то связь между красноярцами и иркутянами, также выступавшими против «лихих воевод». Известно, что по приказу Полянского Бейтон разыскивал в Красноярске «иркутчан, которые живут в домах... бунтовщиков, укрываючись тайно, в городе у Мишки Иконникова Лучка Микифоров, да в селе Ясаулове у Федьки Чанчикова (живут) переходя два человека». Полянский приказывал допросить этих людей: «для чего они из Иркутска в Красноярск пришли и живут в ухоромках, тайно, а потом сковать их и отправить под караулом в Енисейск». «Если вспомним,—пишет Н. Н. Оглоблин,—что Ф. Чанчиков играл руководящую роль в последнем бунте против Дурново, то станет очевидным, что пребывание у него 2-х иркутчан не было случайностью и говорит именно о существовании каких-то сношений между Красноярском и Иркутском, сделавшихся известными и сыщикам. Бейтон не нашел ни Луки Микифорова, ни остальных иркутчан: красноярцы скрыли их от поисков воеводы» [38]. Пример красноярцев оказал влияние на участников Братского восстания 1696 года, которые, по донесению их противников, ссылались «на Нерчинский и на Красноярский бунты», как образцы для своих действий.

Красноярцы, попадавшие в другие сибирские города и остроги, приносили с собой бунтовские традиции, являясь «затейниками» (инициаторами) и активными участниками восстаний. Например, красноярцы Михаил Алексеев и Феодосий Матвеев принимали активное участие в Илимском восстании 1696 года и погибли за «мирское дело» (казнены в Илимске в 1704 году). Действия красноярских повстанцев привлекали внимание лю-

[38] Н. Н. Оглоблин. Красноярский бунт 1695—1698 годов.

дей, которые сочувствовали им. В этом отношении интересно розыскное дело Полянского и Берестова о ссыльном крестьянине Терентии Копытове, который обвинялся в сношениях с красноярскими повстанцами. Поводом к розыску была «грамотка» Копытова, отправленная им в 1698 году из Илимска в Енисейск к иркутскому казаку Титу Евсееву. Копытов спрашивал о красноярцах: «что у них чинится и крепко ли они в деле стоят?..»

По мнению Н. Н. Оглоблина, Красноярская «шатость» 1695—1698 гг. вызвала «брожение в других местах Сибири», в частности в Иркутске и Забайкалье (Селенгинском, Удинском, Кабанском и других острогах). Конечно, это брожение вызывалось целым рядом внутренних причин, о которых мы говорили выше, но нельзя отрицать и влияния красноярских повстанцев, действия которых на протяжении почти трех лет являлись ободряющим примером для восставших посадских, казаков и крестьян в других уездах Сибири.

ИРКУТСКИЕ И ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1696 ГОДА

Близ устья притока Ангары—Иркута в 1652 году на небольшом острове, названном Дьячим, отряд служилых людей под начальством сына боярского Ивана, а по другим версиям Якова Похабова, устроил зимовье, получившее по имени реки название Иркутского. Это зимовье было устроено для сбора ясака с бурят и эвенков, кочевавших по Иркуту и Ангаре. В дальнейшем енисейский воевода Иван Ржевский приказал Похабову построить более прочный укрепленный пункт—острог, для которого Дьячий остров был неудобен. Для новых построек выбрали другое место на берегу Ангары, приблизительно в районе, где в настоящий момент находится Иркутская центральная электрическая станция и расположенный возле нее сад пионеров и школьников.

В 1661 году Похабов доносил в Енисейск:

«В нынешнем 169 году июля в шестой день против Иркута реки на верхоленской стороне государев новый острог служилыми людьми ставлю»...

«Изволил острог поставить и тут место самое лучшее, угожее для пашень и скотной выпуск и сенные покосы и рыбные ловли все близко»...

Так возник Иркутский острог, положивший начало городу Иркутску. Он стал укрепляться и расти, превращаясь уже к концу XVII века в торговый и административный центр Восточной Сибири. Этому способствовало выгодное географическое положение Иркутска.

Иркутск расположен на перекрестке крупных колонизационных и торгово-промысловых путей. Водным путем через Ангару

он соединяется, с одной стороны, с системой реки Енисея, с другой—с Байкалом и его притоками (Селенгой, Верхней Ангарой и др.). Во второй половине XVII века по этому пути двигались служилые, промышленные и торговые люди, а с ростом земледельческой колонизации—пашенные крестьяне, наконец, отправлялись посольства в Китай, с которым совершались первые попытки установления торговых связей. Иркутск окружают местности, «угожие» для хлебопашества, сенокошения, «скотинного выпуска» и рыболовства. В конце XVII века Иркутск входил в систему так называемых «братских острогов» (Братский, Балаганский, Верхоленский, Иркутский, Идинский, Илимский), составлявших с приписанными к ним слободами и деревнями земледельческую базу Прибайкалья, снабжавшую хлебом Даурские (Забайкальские) остроги—Верхнеудинский, Кабанский, Селенгинский, Нерчинский, а также и Якутский острог. В районах «братских острогов» обитали эвенки и буряты, занимавшиеся скотоводством и охотой. «Угожие» места привлекали сюда русских земледельцев, а пушнина—торговых и промышленных людей. На север от Иркутска идет дорога к бассейну реки Лены, а через нее в Якутию, богатую «мягкой рухлядью». Все это способствовало усилению влияния Иркутска.

Сначала Иркутский острог подчинялся в административном отношении енисейскому воеводе и управлялся приказчиками, затем в 1682 году был преобразован в город—центр самостоятельного воеводства. В этом году в Иркутск приехал первый воевода Иван Власьев, назначенный из Москвы. В 1686 году по грамоте Сибирского Приказа к Иркутску были приписаны: Верхоленский, Балаганский, Идинский остроги, а в дальнейшем и остроги Западного Забайкалья: Верхнеудинский, Кабанский, Илимский, Селенгинский (восточное Забайкалье находилось в ведении Нерчинска). В результате образовался обширный Иркутский уезд. События, происходившие в нем, в том числе и народные волнения, отражались непосредственно на уездном (воеводском) центре—Иркутске. После своего превращения в административный центр Иркутский острог, как деревянная крепость, отстраивается в 1693 году заново. В этом году тогдашний воевода князь Гагарин доносил в Москву: «Холоп ваш, Ивашка Гагарин, построил в Иркутске деревянный город со всяким городовым строением, с башнями и с вороты, с верхними и серединными и подошвенными боями».

Острог, называвшийся «Иркуцким рубленым городом», имел форму квадрата, каждая сторона которого (острожные стены) имела по 60 сажен в длину. Поверх бревенчатых стен был устроен облам, представлявший собою невысокий бруствер, вы-

дававшийся немного вперед и служивший для защиты стрелков, находившихся наверху стены. В обламах проделывались щели и отверстия, через которые производилась стрельба. Острожные стены были покрыты тесовой кровлей. Иркутский острог имел семь башен, непосредственно примыкавших к стенам. Три башни являлись проезжими, т. е. имели ворота, остальные «глухими». Вооружение Иркутской острожной крепости составляли три медных пушки, мушкеты, пики, копья, бердыши (боевые топоры), имелись запасы пороха, ядер и свинца. В центре острога были расположены деревянная церковь, пороховой погреб, гостиный двор с 11 лавками, изба для приезжих торговых людей (тогдашняя гостиница), таможенная изба с амбаром, соляной амбар, винный погреб и другие постройки. Посередине городовой стены, выходившей на Ангару, находилась большая проезжая башня с амбаром наверху, где хранилась ясачная казна (пушнина), а также различные материалы (слюда, сукна, камка, гвозди) и инструменты. К этой же стене примыкали воеводская приказная изба и дом воеводы. Вокруг острожной крепости, вне ее стен, были расположены постройки иркутских посадских торговых, промышленных и служилых людей.

Конец XVII века был для Иркутского уезда, как и для других уездов Восточной Сибири, «бунташным» периодом. Здесь также шла борьба против «лихих воевод».

В октябре 1695 года в Иркутск приехал из Москвы воевода Афанасий Савелов, сменивший своего предшественника князя Гагарина. По характеристике иркутских летописцев, Савелов:

«Был весьма корыстолюбив, с подчиненными обращался дерзко, жителям делал разные притеснения и обиды, казакам не выдавал хлебного жалованья... В бытность свою чинил служилым немалые нападки и обиды, так что и от выдачи жалованья немалые брал взятки»... [39] Заморские (Забайкальские) жители жаловались на воеводу, что он «приезжал к ним за море (Байкал) для своих взятков на дощанике и имал с собою для всяких угроз заплечного мастера (палача), а в подводы пашенных крестьян в деловую пору»...

Казаки забайкальских острогов били челом на Афанасия Савелова «в обидах и во многих взятках», заявляя, что он «на денежные их на целые, а иных на половину окладов нападками имал себе отписи на подъяческие имена и по тем де отписям имал деньги из их окладов себе» [40], т. е. присваивал казачье де-

[39] Летопись губернского города Иркутска. Первое столетие Иркутска. Сборник материалов. Иркутск. 1902 г. стр. 122.

[40] Из дела о «бунте заморских казаков против иркутского воеводы Афанасия Савелова 1696 г.». Там же, стр. 113.

Мирской совет жителей Иркутска в 1696 году. (С макета худ. Н. А. Ладейщикова)

нежное жалованье по подложным распискам. Наконец, казаки обвиняли воеводу в измене и причинении ущерба «государевой казне». Однажды в Селенгинске казаки отобрали у посланцев Савéлова к ойратскому Бошоктухану среди других товаров «5 пищалей да пороху пуда с полтора и по себе разделили и продали». Товары, отправленные для продажи и подарков хану, были записаны в особой тетради, между тем ружья и порох, считавшиеся «заповедными» товарами, в этой тетради не значились. Служилые люди рассказывали, что «Афанасий де Савелов отпускал с людьми своими в Китай товары и огненные ружья и порох продавать китайским людям, и они де сказали: тот порох и ружья взяли для того, что чинится ево воеводская явная великому государю измена»... [41]

Присваивая денежное и хлебное жалованье служилых людей, Савелов использовал казенные припасы на своих соболиных, слюдяных и рыбных промыслах, занимался вместе с острожными приказчиками винокурением и «много хлеба на вино пережгли». Особенно тяжело злоупотребления Савелова отражались на положении «новоприсланных», т. е. недавно прибывших в Прибайкалье казаков и стрельцов. В противоположность «старым», «домовитым» казакам, имевшим свое хозяйство, «новоприсланные» остро нуждались в получении хлебного и денежного жалования. Между тем воевода присваивал казенные припасы и деньги.

В 1696 году по выбору селенгинских служилых людей в Иркутск поехал казак Семен Краснояр с челобитной о денежном жалованьи, но Афанасий Савелов в выдаче жалованья отказал. Тогда Краснояр немедленно сообщил об этом селенгинцам, написав также, что воевода отправил через Селенгинск «знакомца своего» Гавриила Коноплева с товарами к калмыцкому (ойратскому) Бошоктухану. Захватив воеводские товары, «селенгинские и ильинские и кабанские служилые люди» разделили по жеребьям за то, что им на 1696 год денежного и хлебного жалованья не выдал и чинил им многие убытки и разоренье. Отказ воеводы Савелова в выдаче жалованья вызвал сильное возмущение среди забайкальских казаков. Казаки и стрельцы Удинского (Верхнеудинск), Селенгинского, Ильинского и Кабанского острогов отказались повиноваться приказным, назначенным Савеловым, и стали «переменять» их. «Для уговору» забайкальцев иркутский воевода отправил в Удинск и Селенгинск протопопа, сына боярского Ивана Перфильева и служилых людей, но

---

41 Первое столетие Иркутска. Сборник материалов. Иркутск. 1902 г. Стр. 111.

воеводские посланцы потерпели неудачу. Казаки «учинились ослушны» и угрожали «во множестве» идти в Иркутск.

19 мая 1696 года около двухсот казаков приплыли в Иркутск «из-за Байкала моря» в боевом порядке: с ружьями и боевыми припасами, знаменами и барабанами. Во главе казаков и стрельцов стояли: Антон Березовский, Моисей Борисов, Емельян Паникадильников, Семен Краснояр, Кузьма Кудреватый. Пристав к берегу, казаки отправили 30 человек с отписками о жалованьи к воеводе Савелову. Когда Антон Березовский с товарищами подошел к острогу, воевода с иркутскими «всяких чинов людьми» стоял на городской стене и звал туда казаков. Они говорили Савелову, чтобы он принял отписки в приказной избе, но воевода отказался пропустить казаков в город. Тогда Антон Березовский, Моисей Борисов и Иван Пинега вошли (видимо, по лестнице) на городскую стену, подали воеводе отписки и просили выдать дощаники под хлебные запасы. Савелов дал казакам старый дощаник, который пришлось чинить. Что же касается жалованья, то воевода, присвоивший казенные припасы и деньги, лицемерно заявлял, будто забайкальские служилые люди «на 1696 год государевым и хлебным и соляным жалованьем все они полными оклады и на прошлый 1695 г. пожалованы, только де на 1696 г. не додано селенгинским полковым конным и пешим казаком денег 97 р. 17 алт. 2 д.». Эти деньги Савелов обещал выдать из иркутских доходов на 1697 год «как казна в сборе будет». Таким образом воевода отказался удовлетворить заявление казаков о выдаче жалованья.

20 мая все казаки отправились к воеводскому двору, примыкавшему к городской стене, выходившей на Ангару, и потребовали выдачи хлебного, соляного и денежного жалованья. Казаки кричали городским жителям, чтобы они отказали Савелову от воеводства и выбрали своего приказного. Желая как-нибудь избавиться от казаков, воевода предложил им получить хлебное жалованье из запасов Бельского острога. Когда казаки вернулись на дощаники, Савелов приказал своим служилым людям отрубить причалы, и забайкальцы поплыли вниз по Ангаре к Идинскому и Бельскому острогам. Некоторые добрались и до Братского острога.

Хлебные припасы, взятые в Бельском остроге, не могли удовлетворить казаков; им пришлось прикупать хлеб и брать его взаймы под кабалы (долговые расписки). Кроме того, казаки захватили хлебные запасы, две коровы, две свиньи, а также винокуренную посуду на заимке одного из главных приверженцев воеводы Савелова—сына боярского Евдокима Курдюкова, на которого жаловались бельские крестьяне и служилые люди.

Однажды забайкальцы встретили иркутских казаков, отправленных Савеловым для розыска «беглых людей». Забайкальские казаки, напав на посланцев воеводы, «учинили им бой и убийство и битых шесть человек привезли в Брацкой и на приезде учинили из ружья стрельбу по одному выстрелу и после убитых платье и обувь, раскликая, продавали и по себе делили, а раненых иркуцких поставили на дворы». Побив «провожальщиков» (конвойных), казаки освободили беглых стрельцов, холопов и «ясырей» (пленных бурят и монголов). Через несколько дней забайкальцы, взяв с собою освобожденных беглецов, поплыли на дощаниках к Иркутску. Остановившись недалеко от города, казаки три дня пекли хлеб «в дорогу», а затем поплыли дальше вверх по Ангаре. У «верхнего креста», на берегу Ангары, казаки причалили и послали шесть человек в город к посадскому Ерофееву за хлебной осминной мерой, увезенной им из Бельска. Когда казаки проходили мимо воеводского двора, на них напали служилые люди и «начали их удинских и селенгинских людей бить и хватать и весть в малый город к Афанасию Савелову». Казаки выхватили ножи и стали обороняться от нападения. Увидя, что их товарищи находятся в опасности, остальные забайкальцы «с дощаников сошли и пришли многолюдством с ружьем и к городу с ружьем приступали». Воевода, запершись в «малый город», отправил двух детей боярских для переговоров с казаками, требуя, чтобы они уплыли «за море». В ответ на это казаки говорили:

«Уноси де и ты от нас свои ноги. А будет де из города хотя один человек вышед и в нас выстрелит, мы де учиним то: со стороны де город зажжем, а с другой станем рубить».

7 дней воевода со своими служилыми людьми находился в осаде. Из «малого города» на забайкальских казаков были наведены две пушки и «мелкое ружье», но до стрельбы дело не дошло. Казаки уплыли. Перед отъездом они говорили, что вернутся в Иркутск зимой в более значительном количестве, чтобы расправиться с воеводой и его приверженцами. Однако, Савелов был вскоре устранен от воеводства самими иркутянами (служилыми и посадскими людьми).

В конце 1695 года из Москвы был отправлен на смену Савелову новый воевода Семен Полтев. Дорогой он заболел и умер в Идинском остроге. В Иркутск приехала в 1696 году жена Полтева с маленьким сыном Николаем. Таким образом воеводой должен был остаться ненавистный народу Савелов, но посадские и казаки решили во что бы то ни стало избавиться от него. Воспользовавшись указом о назначении нового воеводы, «мирской совет» иркутских казаков и посадских решил утвер-

дить воеводой мальчика Николая Полтева и выбрать «в товарищи» к нему иркутского сына боярского Ивана Перфильева, а Савелова «за обиды» сменить. Афанасия Савелова заставили придти в воеводскую приказную избу. Туда же дядька принес на руках малолетнего Николая Полтева (летописец рассказывает, что «воевода» плакал) и привели Ивана Перфильева, который «в командование вступить не желал», а Савелову «сдать команды не хотелось». Все же «мирской совет» добился устранения старого воеводы и передачи всех дел новым управителям. В Иркутске установилось своеобразное «регентство»: формально воеводой считался Николай Полтев, а фактически городом и уездом управлял до октября 1699 года выбранный посадскими с казаками Иван Перфильев. Затем его сменил новый воевода Юрий Шишкин, которому поручили начать «розыск» о выступлении забайкальских казаков. Одновременно в Москве началось следствие о действиях Савелова.

Репрессии обрушились главным образом на забайкальцев, убивших посланцев Савелова и освободивших из-под стражи беглых холопов и стрельцов. Главные участники этого дела верхнеудинские казаки: Даниил Фык, Петр Капнов, Алексей Уваров были казнены.

БРАТСКОЕ ВОССТАНИЕ 1696 ГОДА

овместное выступление всех основных групп сибирского населения: пашенных и ясачных (буряты) крестьян, посадских и казаков против лихих управителей особенно рельефно выявилось во время Братского восстания 1696 года [42].

Приказчиком Братского острога и уезда был тогда енисейский письменный голова Христофор Кафтырев, как бы воплотивший в себе все характерные черты «лихих воевод». Греческий авантюрист, ставший царским приказчиком в Сибири, действовал так же, как воеводы из княжеских, боярских и дворянских фамилий «московского списка». Биография Кафтырева имеет черты авантюризма. «Гречанин», цареградец, т. е. житель Константинополя, Кафтырев служил в «Мулянской земле» (видимо, в Мусульманской, т. е. в Турции) полковником конных табаров. Затем он выехал в Москву с караваном греческих купцов, найдя здесь покровителей в лице переводчика Посольского Приказа Николая Спафария, известного своим посольством в Китай и описанием своих путешествий, а также в лице представителей греческого купечества. Поступив на службу в Посольский приказ, Кафтырев ездил в Забайкалье вместе с боярином Федором Головиным во время заключения Нерчинского договора 1689 года с Китаем. По возвращении из «Дауры» (Забайкалья) Кафтырева назначили сначала стряпчим в

---

[42] Глава о Братском восстании 1696 г. написана на основании материалов Илимской воеводской приказной избы и работы А. П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов». Ленинград. 1937 г. Стр. 139—169.

Москве, а затем письменным головой в Енисейск. Енисейский воевода отправил «гречанина Христофора» управителем в Братский острог.

Став приказчиком Братского уезда, Кафтырев «стакався» с попом острожной Богоявленской церкви Иваном Григорьевым «да с ворами енисейскими казаками с Сенькой Пополутовым, с Костькой Борисовым, с Ивашкой Костоусовым, с Ивашкой Езоповым и Ивашкой Калгою» [43]. В своих торгово-ростовщических операциях Кафтырев был связан с русскими и греческими купцами. Неугодных для него людей Христофор старался убирать и ставить своих. Например, приехав в Братскую «Спасскую пустынь», Христофор избил строителя (настоятеля) монастыря Болдакова, казначея Федорова, нескольких вкладчиков и назначил «строителем черного попа (иеромонаха) Иосифа». Напоив его пьяным, Кафтырев купил у Иосифа 1.000 пудов казенного хлеба, а деньги «он, черный поп Иосиф, ему, Христофору, пропил, и тем в Спасской пустыне хлебную скудость и разорение учинили». Подъячего Федора Вачевского Кафтырев избил так сильно, что «от тех побой он, Федор, лежал день и умер».

Став самовластными хозяевами в Братском уезде, Кафтырев и его клика возбудили всеобщую ненависть. Русские и буряты жаловались на Христофора, как на «гонителя и разорителя крестьянских домов и на мучителя мирского и на душегубца и насильством сквернослудника и винокура и винопродавца». Пашенные крестьяне, посадские, казаки обвиняли Кафтырева «в налогах и в обидах и в мучении и разорении и бо́льших ево, Христофоровых, взятках и в насильстве блудного воровства». «Ясачные мужики», т. е. бурятские крестьяне, «от ево, Христофорова, напрасного разорения и страшного мучения вконец разорились».

«Видя ево, Христофорово, к себе разоренье, жаловался один из обиженных, и нестерпимые томительные муки смертные и напрасные нападки, мои братья, иноземцы, улусные люди и я, холоп твой, убояся ево, Христофора, покиня улусы свои и юрты, разбежались в дальние степи и в расели (ущелья) каменные и в бегах жили многое время и от того разорились вконец».

Известно, что Христофор Кафтырев отправлял казаков на поиски беглецов в Красноярский уезд и к Удинскому острогу. Умалчивая о своих насилиях, Кафтырев обвинял их в побеге от ясачного платежа. Кроме «ясачных мужиков», он разыскивал также бежавших служилых людей.

---

[43] Исторический Архив Иркутской области. Фонд Илимской воеводской приказной избы. Список следственного дела о Братском восстании 1696 года. Цитаты из документов приведены по этому списку.

В действиях Кафтырева характерно типичное для того времени сочетание внеэкономических и экономических форм эксплуатации, посредством которой он «большие животы» нажил, т. е. большое состояние. Торговля, которую вел Кафтырев, принимала довольно широкий, по тому времени, размах. Он отправлял своих доверенных в Москву и другие города, где они продавали китайские товары, а покупали атлас, кумач, сукна, «бумагу красную», серги и камни изумрудные. Московские товары и сибирскую пушнину Кафтырев продавал в Китай. Доверенный Христофора Петр Калмык с его работными людьми «из Нерчинска с тем русским товаром ходил в Китай», получая в обмен на него «китайские меновые товары». В Сибири, кроме московских и китайских товаров, Кафтырев продавал вино, табак, хлеб и порох. Христофор имел винокурню «в три котла и шесть труб». По свидетельству крестьян, Кафтырев ездил «по деревням с продажным вином и велит покупать, угрожая пашенным крестьянам, сильно, а кто вино у него, Христофора, не купит, то тех людей бьет, угрожает всякими угрозами и продает»...

Основой богатства Кафтырева, дававшей ему возможность производить довольно широкие торговые операции, была внеэкономическая эксплуатация русского, бурятского и эвенкийского населения. В обширном следственном деле о Братском восстании 1696 года имеется пространная «Роспись», что и у кого Кафтырев «имал нападками из-за гроз из-за мучения насильством». Эта «обидная роспись» представляет значительную ценность не только для характеристики действий Христофора: она дает представление о формах эксплуатации трудового сибирского населения лихими управителями. Кафтыревцы врывались в дома посадских и казаков, ездили по деревням и улусам для «выимок» лошадей, рогатого скота, пушнины, хлеба, масла, хмеля для винокурения и денег. «Посылает он, Христофор»,— жаловались жители Братского уезда,—«их, Сеньку с товарищи, к нам, холопам и сиротам вашим, для выимок, сведая у кого коня доброго или скотину рогатую, деньги и хлеб, и женишек наших, холопей и сирот ваших, водят в приказную избу и мучит в колоду, и из-за того мученья емлет с нас, холопей и сирот ваших, деньгами и коньми и скотом и хлебом». По отношению к своим жертвам Кафтырев вступал на путь провокации: разъезжая по деревням и заимкам, кафтыревцы подкидывали табак, запрещенный для вольной продажи, а затем приводили с «подметным табаком» в приказную избу, садили в колодки, ковали «в железо», били кнутом, вымучивая «большие взятки».

Одной из форм эксплуатации крестьян и посадских сибир-

скими управителями являлось как фактическое, так и фиктивное ростовщичество. В последнем случае «должник» не получал ссуды, а с него «насильством» вымучивали кабалу (долговую расписку), а затем взыскивали несуществующий долг натурой, деньгами или отработками. Например, у крестьянина Евдокима Самки Кафтырев взял десять пудов муки ржаной «да в семидесят пудах взял кабалу напрасно». «Великие взятки» приказчика доводили крестьян до разорения. Крестьянку Марфу Хлыстову Христофор «разорил и взял с нее сильно рогатого скота четыре коровы да быка, сто копен сена, да тридцать пудов ржи и выслал ее из Братского уезда в Иркутский».

Посягая на имущество, Христофор Кафтырев эксплуатировал и труд местного населения. Затеяв винокурение, он заставил мельников бесплатно молоть для него муку и свозить в приказчичьи амбары. Мельник Василий Бухаров «молол на него, Христофора, из-за гроз и из-за мученья в мельнице своей без помолу три тысячи пуд хлеба», а Иван Бутырин восемьсот пудов «в страдную пору». «Для покупки соболей и иной мягкой рухляди» Кафтырев заставлял бурятских и русских крестьян ездить в Удинский острог и другие места. При малой населенности края им приходилось попадать в местности, где было трудно достать продовольствие. Например, Христофор отправлял «ясачных мужиков» на Барлукскую заставу, где они жили «четыре недели и помирали голодною смертью и ели траву и сосновую кору».

Пашенных крестьян дальних ангарских деревень Кафтырев принуждал ставить «на него, Христофора, сено недели по две и больше». Ясачные крестьяне (буряты) жаловались на приказчика: «Да он же, Христофор, в нынешнем 104 году выкосил наши, холопей ваших, сенные покосы и то сено велел он, Христофор, метать в стога нам же... на наших же конях, и скотишко наше... от тово все выпало с голоду».

Однажды в разгар страды кафтыревцы загнали в Братский острог крестьян, избили их батогами и принудили отправиться на рубку леса вверх по Оке (приток Ангары). «И мучил у той лесной рубки неделю и больше»,—жаловались крестьяне на Кафтырева. В то время, как они рубили лес, Христофор выпустил свой скот на крестьянские поля, «потравил десятиной и собиной хлеб» и «учинил хлебную скудость и разорение»...

Народ характеризовал Кафтырева, как «мучителя мирского и душегубца». Приходя на «мирской совет» (сходки), Христофор и поп Иван Григорьев с их приспешниками били «всякого человека своими руками на смерть». Ненавидя этих мучителей и душегубцев, посадские, казаки, пашенные и ясачные крестьяне Братского уезда выступали против них в январе 1696 года.

В начале января 1696 года в Братском остроге происходили оживленные сходки. «Все пашенные крестьяне и всяких чинов люди ходят в Брацком остроге и по улицам и становятца кругами и величают друг друга атаманами молодцами, а собираются в трапезу неведомо для чего и заводят бунт, вашу, великих государей, казну хотят отбить, или письменного голову Христофора Юрьевича хотят убить, того мы, холопи ваши, не ведаем»,—доносили приверженцы Кафтырева. Призывный клич «атаманы молодцы» был традиционным для восстаний XVII века. Он раздавался то на Дону и Волге, то на Ангаре и Байкале. Повстанцы называли себя не «холопами и сиротами», как в челобитных, а удалыми вольными «атаманами молодцами».

К восстанию, начатому посадскими и казаками, примкнули пашенные крестьяне и «ясачные мужики» (бурятские крестьяне). Жители Братского острога считали их своими союзниками и призывали к совместному выступлению против Кафтырева. Что же касается острожной верхушки—детей боярских, то они к восстанию не присоединялись. «Детей боярских в том их совете и в мирской челобитной никого не было»,—рассказывали повстанцы.

Решающим моментом восстания был «богоявленьев день» (6 января). Это был местный престольный праздник. В этот день в острог приезжали жители Братского уезда для решения мирских дел и выбора старост и целовальников. «Богоявленьев день» 1696 года оказался необычным. Кроме посадских, казаков и пашенных крестьян на «мирской совет» прибыли ясачные крестьяне (буряты). На «мирском совете» 6 января 1696 года речь шла не о выборе старост и целовальников, а об устранении общего врага Кафтырева и его приверженцев и выборе новых управителей Братского острога и уезда. В этом вопросе было кровно заинтересовано и русское и бурятское население.

«Братские жители,—рассказывал на допросе посадский Прокопий Ловцов,—отказали от дел и расправ, видя ево, Христофора, многие на себе обиды и разоренья и вся муки, попа Ивана Григорьева и воров Сеньки Пополутова с товарищи. Съехав на праздник, на Богоявленьев день, братские, ясашные и иноземцы для челобитья в обидах своих и разорениях в Братский острог приезжали без совету и зву братских жителей»... Об отсутствии совета и зова со стороны жителей Братского острога говорили в своих показаниях и буряты. Но эти заявления были лишь средством самозащиты, так как за призыв к восстанию ясачных мужиков угрожало жестокое наказание. Поэтому, заявляя об отсутствии предварительного совета между собой о выступлении против Кафтырева, ни буряты, ни русские не желали

выдавать друг друга. Участие ясачных мужиков в Братском восстании не было случайным: они выступали, как союзники русских мужиков. Известная согласованность совместных действий, участие бурят в «мирском совете», отстранении Кафтырева от власти, выборе новой администрации, подаче челобитной—все это свидетельствует о предварительном «совете» их с русскими единомышленниками (Кафтырев в своей челобитной называл «единомышленниками» руководителей восстания всех его участников)...

Во главе восстания стояли казаки: Дмитрий Кириллов, Григорий Бессонов, Даниил Терентьев, пашенные крестьяне: Василий Бухаров, Иван Тупица, посадские: Кирилл Наумов, Агапий Дмитриев, Лев Карачаевец и подъячий Григорий Матвеев. Кафтырев называл их «первыми заводчиками и бунтовщиками». Известны также имена представителей бурятского населения в «мирском совете» восставших: Обонтуй Грошев, Халган Инкиев, Мляул Камнаев, Ханзин Мумуетов, Умядей Уныгенов, Залбун Иринднев, Колочей Табоев, Дочикай Мумуетов, Мусыней Кынтуев, Бодоной Наконов.

На «мирской совет», происходивший 6 января 1696 года, явился поп Иван Григорьев, который пытался «унять от бунтовства» участников народного схода, но они «учинились непослушны и почали кликать атаманов молодцов». Григорьев, избивавший вместе с Кафтыревым посадских и крестьян, на этот раз был избит сам. «Били меня, богомольца вашего, на смерть,—рассказывал поп,—и збили с меня скуфью и шапку». По «извету» (доносу) попа явился приказчик Христофор Кафтырев и стал угрожать «кнутом и огнем», но угрозы никого не испугали. Царский сатрап оказался бессильным перед поднявшейся волной народного возмущения.

«Мирской совет» постановил «отказать» Христофору от управления Братским уездом «за обиды его и за налоги». Вместо Кафтырева и его приближенных народ избрал свою администрацию. Выборные от основных групп населения: девять казаков, три посадских, четыре пашенных и десять ясачных крестьян Кафтыреву «от дел отказали в ево, Христофора, к ним налогах и обидах и разорениях и чтоб ему, Христофору, служилых и посадских людей расправою не ведать». Управителями Братского острога и уезда, сменившими приказчика Кафтырева, были избраны «для всех дел» казачий десятник Дмитрий Кириллов и рядовой казак Даниил Терентьев. В согласии с выборными людьми они были наделены всей полнотой административных функций в Братском уезде. «Мирской совет» постановил:

«Им, Митьке и Данилке, быть в Братском остроге у всяких

великого государя дел и судом и расправою их, служилых и посадских и пашенных и ясачных людей, ведать и, смотря по вине, бить батоги. А им, выборным людям, их, Митьку и Данилку, во всяких государевых и челобитчиковых делах во всем слушать, против того их выбору оберегать и челобитчиков на него, Христофора, послать».

На сходе была составлена челобитная «на мучителя мирского и на душегубца» Христофора Кафтырева. К челобитной приложили пространную роспись обид и насилий, причиненных им. В составлении челобитной участвовали: «Братского острогу всякие жители и Спасовой пустыни строитель с братиею и ясачные иноземцы», т. е. представители всех групп местного населения, за исключением острожной верхушки (детей боярских) и клевретов Кафтырева. Кроме челобитной, составленной 6 января 1696 года, вскоре отправили вторую челобитную о наказании Кафтырева за обиды. Челобитчики обращали внимание на то, что действия Христофора нарушили интересы царской казны и нанесли ущерб государству. «От ево, Христофора, разорения разорились мы, сироты ваши, вконец»,—говорилось в челобитной. Казаки заявляли, что им «службы служить не чем»; пашенные крестьяне «государевы десятинные пашни пахать не на чем»; ясачные просили избавить их от насилий Кафтырева и других приказных, «чтобы им от его, Христофора, и впредь от иных приказных людей вконец не разоритца и вашего, великих государей, ясаку не отбыть и врознь не разбрестись». Для «отказа» Кафтыреву от «государевых дел» к нему была отправлена делегация в составе четырех человек, потребовавшая, чтобы он покинул «государевы хоромы». Христофор отказался и стал угрожать восставшим наказанием за «бунтовство».

В ответ на эти угрозы один из руководителей восстания Григорий Бессонов заявил приказчику:

«Как мир востанет, так и царь ужаснет, а ты, Христофор, говоришь с нами»...

Кафтырев со своими приверженцами заперся в приказчичьих хоромах, осажденный восставшими. Они завалили бревнами все двери и поставили караулы. Попытки «осадных сидельцев» вырваться из хором немедленно пресекались. Повстанцы захватывали их и били. Вокруг острога устроили заставы, по деревням и улусам сообщили о необходимости перехватывать все челобитные и отписки, идущие от Кафтырева и его сторонников. Ивашка Калга, посланный Христофором к енисейскому воеводе, был пойман на дороге, у него отняли все бумаги и «посыльные деньги». Попытка Кафтырева получить помощь из Енисейска потерпела неудачу.

После трехдневной осады Христофор Кафтырев и его приверженцы были вынуждены сдаться. Их вывели под караулом из приказных хором в другое помещение.

Братский острог оказался в руках восставших. Они захватили приказную избу со всеми делами, ясачную и денежную казну, хлебные запасы, порох, ружья и свинец. Народ устранил старую администрацию и выбрал новую. «Выбрали судеек свою братию»—говорил отстраненный от власти письменный голова Кафтырев. Действительно Братский уезд управлялся, хотя и непродолжительное время, «своей братией», т. е. выборными людьми, облеченными доверием русского и бурятского населения...

О событиях в Братском уезде начался продолжительный розыск, затянувшийся до 1706 года. Сначала из Енисейска был отправлен «для розыску» сын боярский Алексей Галкин с подъячим. Христофор Кафтырев подал тогда челобитную енисейскому воеводе, обвиняя всех лиц, отправлявших на него челобитные, в «бунтовстве». Воевода вызвал выборных челобитчиков на Кафтырева Григория Бессонова и Василия Бухарова в Енисейск для очной ставки «против ево, Христофора, челобитья». Но они «в очную ставку к ответу не пошли», заявив, что отправят новую челобитную и «обидную роспись» в Москву.

Дело дошло до Сибирского Приказа, который по царской грамоте поручил произвести «подлинный розыск» Семену Полтеву, назначенному воеводой в Иркутск, но Полтев умер дорогой, не доехав до места своего назначения. Что же касается прежнего иркутского воеводы Савелова, то ему, как мы знаем, было не до «розыска». Сначала против него выступили забайкальские казаки, а затем он был отстранен от воеводства иркутянами. Наконец в Восточную Сибирь были отправлены из Москвы «сыщики» думный дьяк Полянский и дьяк Берестов «с товарищами», наделенные широкими полномочиями по «розыску» о злоупотреблениях воевод, приказных и о народных волнениях, сильно встревоживших царское правительство. По вопросу о событиях в Братском уезде «сыщикам» было приказано:

«Против тех челобитен, которые были на Христофора в Енисейск поданы Михаилу Римскому-Корсакову и которые подадут вам, великим государям, во всем ево, Христофора, распросить и в чем учинитца спор, велено дать челобитчики очные ставки и с очных ставок в тех его делах, в чем учнет запиратца, велено розыскать Братского острога всякого чина накрепко. И буде по розыску и по распросным его речам вина ево, Христофора, в том явитца, велено за то ево бить кнутом нещадно

и сослать ево на Лену в казачью службу, а живот ево все переписать с понятыми и взять на нас, великих государей, чтобы впредь не повадно было приказчикам так воровать и всякого чина людей обиды и налоги и изгони и грабежи и разоренья и бесчестного ругания чинить»...

Во время следствия посадские, казаки, русские и бурятские крестьяне держались дружно, не выдавали друг друга и все свои показания направляли против «мучителя мирского и душегубца» Кафтырева и его приспешников, называя их «ворами», нарушавшими интересы казны. В условиях напряженной и тревожной атмосферы народных волнений, происходивших в Восточной Сибири в 1695—1698 годах, опасаясь новой «шатости», «изгони» (побегов) и «порухи государевой казне», царские сыщики не решились применить репрессии против участников Братского восстания. Кафтырев же был наказан.

Петр I, понимая, что действия лихих управителей приносят «поруху государевой казне», не раз принимал против них суровые меры. Этим и объясняется приказание «сыщикам» Полянскому и Берестову в случае установления виновности Кафтырева, «за то ево бить кнутом нещадно и сослать ево на Лену в казачью службу». В 1706 году по приговору Сибирского Приказа было предписано «учинить ему, Христофору, жестокое наказание, бить его кнутом при многих людях нещадно и сослать в ссылку в Якутской в казачью службу, а животы ево взять на великого государя»...

Посадские, крестьяне и казаки Братского уезда добились устранения «мучителя и душегубца» Христофора Кафтырева, но, сменяя представителей местных органов власти, они, как и другие повстанцы XVII—XVIII веков, не устраняли самой системы управления, существовавшей в крепостническом государстве и давившей народные массы. Вместо Кафтырева был назначен новый приказчик Братского острога. Избранные же народом «судейки» должны были сложить свои полномочия и передать новой администрации ключи от Братского острога, ясачную и денежную казну, хлебные запасы, приказные дела, порох, свинец и ружья.

ИЛИМСКОЕ ВОССТАНИЕ 1696 ГОДА

Почти одновременно с восстанием посадских и крестьян Братского присуда в 1696 году началось восстание в Илимском уезде. К сожалению, архивные материалы об этом восстании, имевшиеся в нашем распоряжении, крайне скудны, а в исторической литературе оно не освещалось. Поэтому при скудности и отрывочности документальных данных мы имеем возможность описать Илимское восстание 1696 года лишь в самых кратких чертах.

Ближайшим поводом к Илимскому восстанию явились притеснения илимских жителей воеводой Богданом Челищевым. Посадские и служилые люди Илимска (теперь село Илимск, Иркутской области) жаловались:

«Будучи де в Илимску воевода стольник Богдан Челищев им и иным градским жителем чинил сборы и налоги и тесноты и взятки брал и их разорил без остатку и чтоб ево за такие от него, Богдана, к ним многие разорения из Илимска переменить, а на ево место послать иного воеводу, а про ево Богданова обиды и взятки и разорения сыскать всякие сыски» [44].

Глухое недовольство против воеводы, затаенная ненависть к нему стали выявляться открыто. Прежде всего это проявилось в нападении на него «работных людей» во время поездки воеводы «на богомолье» в Киренск. Когда Челищев после остановки дощаника, на котором он плыл, вышел на берег, на него напало 11 человек во главе с Семеном Бадалиным. Воеводу схватили, отобрали у него вещи, деньги и «бив покинули в лесу». Чели-

[44] Исторический Архив Иркутской области. Фонд Илимской воеводской приказной избы.

щев в дальнейшем жаловался, что его «били и бороду и на голове волосы обрезали» (обрезание бороды считалось в XVII веке большим позором). После того, как люди, плывшие с воеводой, нашли его в лесу, за Бадалиным и его товарищами—участниками нападения была отправлена погоня. После долгих поисков Семен Бадалин был схвачен, закован в колодки, посажен в тюрьму и подвергнут пытке, но не выдал своих товарищей. Вскоре он бежал из Илимской тюрьмы вместе с колодником Иваном Козлухой. Схваченный снова Бадалин совершил вторичный побег.

В Илимске, куда воевода вернулся после неудачной поездки «на богомолье», его ожидали новые «напасти». «Илимские жители забунтовали и воровские письма писали и память в уезд для высылки уездных людей в круг под знамя посылали и иные воровские письма писали»,—сообщал воевода в своей челобитной в Сибирский Приказ. Слова «вор», «воровской» имели в XVII веке другое значение, чем теперь. «Ворами» называли тогда бунтарей, участников народных волнений и восстаний. (Современному понятию вор—совершивший кражу—соответствовало тогда слово тать). «Воровские письма», о которых доносил воевода, представляли собою воззвания, призывавшие «уездных людей», т. е. крестьян Илимского уезда, примкнуть к выступлению посадских и казаков. В 1696 году илимские жители выступали против царского сатрапа и его приверженцев «всем уездом».

Казаки, принимавшие участие в восстании, внесли в него свои старинные традиции. В 1696 году в Илимске собрался «мирской круг» (сходка). Во время казачьих кругов били барабаны, призывавшие на сход, и выносились старинные боевые знамена. Илимцы, выступившие против Богдана Челищева, также собрались в «круг под знамя». Когда-то подобные бунтарские круги созывал на Дону и Волге Степан Тимофеевич Разин (1670—1671 гг.), память о восстании которого постоянно жила в народе и дошла до далекой Сибири.

Посадские и казаки Илимска призвали на свой круг крестьян Илимского уезда. «Мирской круг» постановил, что «Илимские всяких чинов люди, не стерпя от него, Богдана, налог и обид и разорения, ему, Богдану, от приказу... отказали», т. е. устранили воеводу Челищева от власти. Круг вынес приговор о том, что этого управителя нужно «сажать в воду». Вместо прежнего воеводы были избраны новые представители власти, принявшие от целовальника по «росписному списку» казенное имущество, деньги и порох. В Илимском уезде три года подряд был недород хлеба, в котором испытывалась острая нужда

среди жителей Илимска. Между тем воеводские амбары были наполнены хлебом. Восставшие отняли воеводский хлеб, разделили его между собой и, кроме того, «пиво варили», празднуя свое избавление от ненавистного воеводы. Было запрещено продавать хлеб Богдану Челищеву «и людям ево и от него засыльщикам». Таким образом воеводе и его приближенным был объявлен бойкот.

Богдан Челищев, отстраненный народом от воеводства, напуганный тем, что его могут «сажать в воду», т. е. утопить, скрылся из Илимска. Все управление Илимским уездом сосредоточилось в руках новой администрации, избранной восставшими. Это «мирское управление» продолжалось около трех лет. Затем царским правительством был назначен в Илимский уезд новый воевода Федор Качанов, которому приказали «чинить расправу» над «воровскими людьми» (бунтарями)...

Сохранилось донесение воеводы Качанова в Москву о казни в Илимске в 1704 году двух активных участников сибирских восстаний—Михаила Алексеева и Феодосия Матвеева.

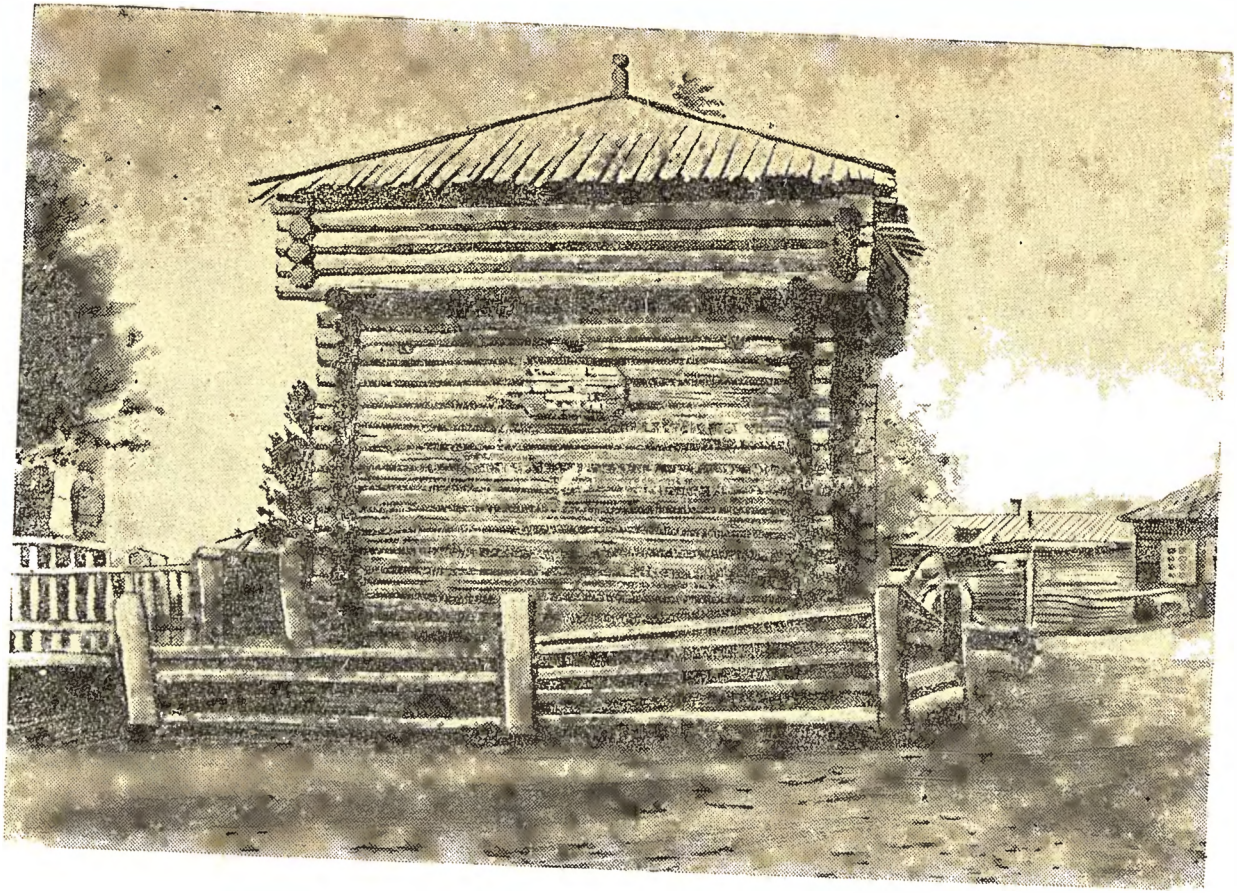
«Красноярцев Мишку Алексеева, Федоску Матвеева,—доносил воевода,—за многие их воровские возмущения и за затейные дела велено в Илимске дать время на покояние и учинить им смертную казнь и в народе велено мне, холопу твоему, сказать в Красноярской послать, чтоб впредь в Красноярске и повсюду всяких чинов люди жили смирно и никаких непотребных делов не касались, а за всякие злые дела, к чему они впредь касаться станут, опасались бы твоего, великого государя, жестокого наказания и казни... Красноярцам Мишке и Федоске на покояние время было дано, и по твоему, великого государя, по указу в прошлом 704 году декабря в 24 Мишка и Федоска казнены смертью, и в народ твой великого государя указ в Илимску всякого чину тутошных людей сказан и в Красноярской к стольнику и воеводе к Ивану Мусину-Пушкину писал, а свою отписку к тебе, великому государю, в Москву в Сибирской Приказ послал я, холоп твой, из Илимска» [45].

Как видно из этого донесения, М. Алексеев и Ф. Матвеев были активными участниками Красноярского и Илимского восстаний. Воевода доносил, что их казнили за «многие возмущения» и «затейные дела», т. е. они не только участвовали в восстаниях, но были «затейниками»—инициаторами, руководителями.

В. И. Ленин в своей речи с Лобного места на Красной пло-

---

[45] Исторический Архив Иркутской области. Фонд Илимской воеводской приказной избы.



Сторожевая башня Братского острога

Спасская проезжая башня Илимского острога

щади в Москве на открытии памятника Степану Разину сказал:

«Этот памятник представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу» (В. И. Ленин. Сочинения. Том XXIV, стр. 271).

Подобные представители восставших крестьян и посадских были и в Восточной Сибири. Михаил Алексеев и Феодосий Матвеев сложили свои буйные головы за «мирское дело» в борьбе народа против своих угнетателей. Никакие угрозы «жестокого наказания и казни» не могли заглушить этой борьбы...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восстания в XVII веке, как и в более ранние периоды исторического развития, свидетельствуют, что народ с давних пор боролся против своих угнетателей. В этих восстаниях выражался стихийный протест, борьба против феодального гнета. В XVII веке крестьяне Российского государства ответили на усиление крепостнического режима целым рядом крупных восстаний, важнейшими из которых являлись восстания Ивана Болотникова и Степана Разина. Сибирь, не знавшая крепостного права, испытывала, однако, различные формы гнета со стороны крепостнического государства и его агентов. В конце XVII века против этого гнета выступали не только «ясачные иноземцы» (татары, якуты, буряты и другие народы), еще раньше поднимавшие восстания против царских сатрапов, но и русские крестьяне, посадские, казаки. Это объясняется крупными изменениями в жизни русского трудового населения Сибири к концу XVII века. В этот период закончилась сравнительно «вольготная» жизнь первых переселенцев в Сибирь. Правительственные льготы и «подмоги» становились редкими или совсем исчезали. Крестьяне прикреплялись к «государевой пашне» или монастырям, посадские—к городскому или острожному «тяглу». Все меньше и меньше становилось «вольных гулящих людей». Тяжелее становилось бремя «государева тягла», принимавшего разнообразные формы. Рядовые служилые люди (казаки, стрельцы) из бродячих воинов превращались в оседлых поселян. С увеличением сибирского населения, постройкой городов, острогов и деревень, укреплением царской администрации увеличивалось влияние воевод и других управителей, наделяемых почти неограниченными полномочиями и вносивших в административную практику традиционные нравы помещичьей вотчины.

«Обиды и налоги и тесноты» со стороны «лихих воевод» усугубляли тяжесть «государевых» сборов и повинностей. Все

это приводило к тому, что народу становилось «не можно жить», и он поднимал восстания. В условиях, когда народ претерпевал «томительные муки смертные» и стоял перед печальной перспективой «разориться вконец», когда действия «лихих воевод» подобных Башковским, Дурново, Кафтыреву подрывали как хозяйство, так и защиту страны от зарубежных «воинских людей»: калмыцких (ойратских), киргизских, монгольских ханов и китайского богдыхана,—восстания были не только стихийным проявлением борьбы против социального гнета, но и средством народного самосохранения.

Поднимая восстания против лихих воевод, обличая их в «изменных делах», крестьяне, посадские, казаки стойко обороняли сибирские рубежи. Время было тревожное. Южная часть Восточной Сибири не раз подвергалась нападениям со стороны ойратских, монгольских и китайских ханов. Они совершали набеги на остроги, деревни, заимки, улусы, убивали и уводили в плен людей, отгоняли лошадей и рогатый скот. От этих набегов страдало не только русское, но также бурятское и эвенкийское население. В результате буряты и эвенки вместе с русскими выступали против зарубежных ханов.

В 1674 году монгольский тайша Гыган вторгся в Прибайкалье, угрожая Иркутскому, Балаганскому, Братскому и Верхоленскому острогам. Малочисленные острожные гарнизоны, испытывавшие недостаток в оружии и боевых припасах, оказались в чрезвычайно тяжелом положении. Тогда на помощь русским пришли ангарские буряты, немало потерпевшие от монгольских набегов. С помощью бурят русские вытеснили Гыгана в Монголию. Еще в 1669 году монгольские князья пытались угрозами и обещаниями всяких выгод сманить бурят в Монголию, но буряты отказались покинуть родные кочевья. Один из бурятских начальников Икей, выражая мнение своих соплеменников, ответил посланцам монгольского тайши предлагавших «в Мунгалы бежать»:

«Не иду де я в Мунгалы и умру де я в своей земле».

В 1687 году отряды Очирой-хана и других монгольских князей, связанных с китайскими богдыханом, двинулись на Селенгинск и осадили его. Одновременно монголы подошли к Верхнеудинску. Против них были отправлены почти все стрельцы и казаки, жившие по деревням Верхнеудинского района. Воины монгольских ханов были разбиты в двух верстах от Верхнеудинска. Для обороны осажденного Селенгинска собрали всех казаков, стрельцов, посадских, подъячих. Селенгинским гарнизоном (294 человека) командовал отважный военоначальник ссыльный украинский гетман Демьян Игнатьевич Много-

грешный, получивший боевой опыт во время схваток украинцев с войсками польского короля и крымского хана. Многогрешный был сторонником сближения Украины с Россией, между тем враги гетмана ложно обвинили его в сношениях с крымским ханом. Заговорщики в 1672 году схватили Многогрешного и в оковах привезли его в Москву. Опальному гетману угрожала смертная казнь, но ее заменили заточением в тюрьме и ссылкой в Сибирь. Многогрешный жил в Тобольске, Якутске, в 1674—1682 гг. он содержался в Иркутской тюрьме. Затем Многогрешного освободили и назначили в «государеву службу», но в 1684 году по новому доносу заключили в Селенгинскую острожную «избу с темными каютами». В 1687 году Многогрешный перед лицом неприятельского нашествия забыл свои тяжкие обиды и, как опытный военачальник, стал во главе селенгинцев. «Демьян Многогрешный, на долю которого выпала такая многострадальная жизнь и первые удары дальнего заточения, сумел отстоять забайкальские страны от набегов» монгольских ханов. Попытка Очирой-хана захватить Селенгинск потерпела полную неудачу. Селенгинский отряд во главе с Многогрешным совершил смелую вылазку и вступил в сражение с монголами. После кровопролитного боя в долине, получившей затем название «Падь убиенных», воины монгольских ханов были разбиты.

В 1687 году в Забайкалье прибыл русский посол Федор Головин. Перед тем, как отправиться в Нерчинск для переговоров с представителями китайского правительства о русско-китайской границе, Головин решил обезопасить свой тыл от монгольских набегов. Помощником Головина стал Демьян Многогрешный со своим сыном Петром. После ухода войск Очирой-хана в Забайкалье оставалось еще несколько монгольских тайшей со своими отрядами. Против них и выступил Головин. Его вооруженные силы состояли из 2000 стрельцов и казаков, а также бурятских и эвенкийских конников. Все они «бились не щадя голов своих». В верховьях Хилка отряд Головина разбил в сентябре 1688 года тайшу Серен-Секулая, а затем в трех сражениях—под Селенгинском, Верхнеудинской и Ильинской заимками нанес поражение другим монгольским тайшам...

В конце XVII века опустошительные войны ойратского контайши Галдана с Китаем (1686—1697 гг.), в которые были втянуты монгольские князья, угрожали охватить южную часть Сибири, принести гибель разрозненным сибирским племенам. В такой тревожной обстановке и окрепло боевое содружество этих племен с русскими. Народ прогнал зарубежных ханов и стойко охранял свои рубежи, но он долго не мог освободиться от собственных лихих управителей.

История народов СССР дает многочисленные примеры крестьянских восстаний, не раз принимавших широкие размеры и одерживавших временные, частичные успехи. Однако, в конечном итоге все эти восстания потерпели поражение. Народные волнения XVII века в Восточной Сибири, несмотря на некоторые особенности, определяемые специфически сибирскими условиями (отсутствие помещичьего землевладения и помещиков), были сходны с крестьянскими восстаниями в Европейской России, характеристику значения которых и причин их поражения дал И. В. Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом:

«Мы, большевики,—говорил товарищ Сталин,—всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства. Но, конечно, какую-нибудь аналогию с большевиками тут нельзя проводить. Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг» [46].

Восстания сибирских крестьян, посадских и служилых людей были непосредственно направлены против произвола со стороны агентов крепостнического государства, но не против царской власти вообще. Бирюльские повстанцы заявили приказчику Павлу Халецкому: «Мы государеву указу послушны, а тебе, Павлу, не послушны». Наиболее крайние элементы из участников сибирских восстаний не шли дальше того, чтобы припугнуть царя, заставить его пойти на уступки, или заменить «лихого царя» «добрым».

«Как мир востанет, так и царь ужаснет», «как мир голкнет, так и царь умолкнет»,—говорили участники Братского восстания 1696 года. Народ, подобно былинному герою Микуле Селя-

---

[46] Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Том III. Партиздат ЦК ВКП(б). М. 1937 г. Стр. 527.

ниновичу, чувствовал свою силу, но не умел превратить ее в сокрушительный удар против угнетателей. Крестьянские восстания не раз ужасали царей, но свергнуть царизм не могли.

Основная причина поражения крестьянских восстаний в XVII—XVIII веках заключалась в том, что тогда еще не было классовой силы, которая могла бы сплотить разрозненные выступления, слить их в единый мощный поток революционного движения, организовать их, повести за собой массы. Поэтому крестьянские восстания, принимавшие часто широкие размеры, отличались все же раздробленностью и, несмотря на временные частичные успехи, подавлялись крепостническим государством. Лишь значительно позже выступила на историческую сцену новая несокрушимая революционная сила и повела за собой к победам миллионы многонационального крестьянства. Такой революционной силой стал пролетариат, победный путь которого освещен великим учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

ДОКУМЕНТЫ О БРАТСКОМ ВОССТАНИИ 1696 ГОДА[1]

I

ЧЕЛОБИТНАЯ КАЗАКОВ, ПОСАДСКИХ И ПАШЕННЫХ КРЕСТЬЯН НА ПРИКАЗЧИКА БРАТСКОГО ОСТРОГА ХРИСТОФОРА КАФТЫРЕВА В 1696 ГОДУ

Великим государем царем и великим князем, Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всея великие и малые и белые России самодержцем, бьют челом холопи и сироты ваши, енисейские казаки Брацкого острогу жители: Фетька Иконник, Гришка Бессонов, Андрюшка Потапов, Андрюшка да Серешка Поясницыны, Якушка да Федька Поповы, Макарка Коренев, Васька Ермолин, Ивашко Храмцов, Ивашко Мироманов, Васька Калакаев, Гашка Рыбников; посадские люди: Кирилка Наумов, Агапитка Дмитриев, Мишка Черной, Ивашко Тупица, Марчка Григорьев, Митька Портняга, Микитка Лоскутнин, Ивашко да Андрюшка Васильевы, Васька Петров, Федька Мыльник, Стенько Дмитриев, Филька Алексеев; пашенные: Ивашко Сутырин, Васька Бухаров, Микишка Трофимов, Ивашко Ермолин, Сидорко Софронов, Тараско Васильев, Екимка Лускин, Митька Нивидимов, Васька Усков, Коземка Алексеев, Гарасимка да Оська Распопины, Максимко Месников, Ивашко Гаврилов, Алешка Гусельник, Левка Карачаевец, Тимошка Игнатьев, Пашко Зеха, Алешко Лютиков, Ивашко Лоскутник, Сенька Андронов, Алешка Чупин, Пашка Терских, Гришка Петух, Фетько Бояркин, Ивашко Заложной, Ивашко Калиногорской, Ивашко Вотяк, Ивашко Малько, Максимко Зырян, Васько Темной, Васька Черемной, Юшко Тиханов, Васька Горностаев, Якушко Соловьев, Дениско Митрофанов, Васька Цапля, Ивашко Давыдов, Андрюшка Иванов, Родько Васильев, Фетька Щетина, Илюшка Таутаев, Андрюшка Бухвостов, Васька да Ивашко Суворовы, Сергушка Яковлев, Ильюшка Филипов, Ильюшка Борисов, Сидорка Дмитриев, Андрюшка Шумилов, Фетька Огородников, Давытка Корелин, Васька Кромина, Стенька Софронов, Васька Трубачеев, Панфилка Рютин, Гришка да Васька Рыбкины, Гришко Маленькой, Емка Борисов, Стенька Лазарев, Петрушка Мачехин,

[1] Документы публикуются по списку следственного дела о Братском восстании 1696 года (Исторический Архив Иркутской области. Фонд Илимской воеводской приказной избы).

Мишка Салдат, Ивашко Усков, Потапка Жидовкин, Бориско Дорофеев, Микишка Емельянов, Бориско Михайлов, Иван Бердников, Ермолка Прохоров, Васька Колмак, Ивашко Лучнев, Левка Черемисин, Понфилка Козлин, Максимка Мурашов, Парфенко Калинин, Ивашко Борода, Лазарька Заикин, Юшко да Спирька Борисовы, Тимошка Ульянов, Васька Ильин, Оська Володимиров, Пашка Иванов, Васька Володимиров. Жалоба великие государи, нам холопям и сиротам вашим, Брацкого острогу на приказного на енисейского письменного голову на Христофора Юрьевича Кафтырева. В нынешнем, великие государи, в 104 и в прошлом 103 годех, будучи он, Христофор, в Брацком на приказе, емлет с нас, холопей и сирот ваших, сильно напатками своими из-за гроз и из-за мучения и последние наши, холопей и сирот ваших, сталчейка деньгами, коньми и рогатым скотом и хлебом и последнего нас, холопей и сирот ваших, разорил до конца. Стакався Брацкого острогу Богоявленской церкви с попом Иваном Григорьевым да с ворами с енисейскими казаками: с Сенькой Пополутовым, с Костькой Борисовым, с Ивашкой Костоусовым, с Ивашком Ездоковым, с Ивашком Калгою. И посылает он, Христофор, Сеньку с товарищи к нам, холопам и сиротам вашим, в домишки для выимок, сведая у кого коня доброго, или скотину рогатую и деньги и хлеб, и женишек наших, холопей и сирот ваших, водят в приказную избу и мучит в колоду и из-за того мучения емлет с нас, холопей и сирот ваших, деньгами и коньми и скотом и хлебом. Да они ж, Сенька Пополутов с товарищи, по ево Христофорову приказу по деревням ездят и подкидывают табак в домишки наши, холопей и сирот ваших, и приводят с тем подметным табаком в приказную избу, и мучит он, Христофор, в колоду и емлет себе из-за того мученья и из закита большие взятки. Да он же, Христофор, ходит насильно в домишки наши, холопей и сирот ваших, и насильничает женишек и детишек наших блудное воровством. Да он же, Христофор, загнав нас, холопей и сирот ваших, в острог и бив батоги, велел рубить в страдное время пустой лес, и мы, холопи и сироты ваши, рубили пустово лесу на версту и больши от Брацкого острогу вверх по Оке реке; и мучил у той лесной рубки неделю и больши, ево ж себе снял взятку; и в то время без нас, холопей и сирот ваших, насеяной ваш, великих государей, десятиной и наш холопей и сирот ваших, собинной хлеб скотом потравился, и в том он, Христофор, учинил нам, холопам и сиротам вашим, хлебную скудость и разоренье. Да он же, Христофор, приходя к церкви в трапезу с попом Иваном Григорьевым да с вышеписанными ворами Сенькой Пополутовым с товарищи к нам, холопам и сиротам вашим, на мирской совет, и бьет всякого человека своими руками насмерть. Да он же, Христофор, посылал в ясашное время для покупки соболей и всякой мягкой рухляди в Удинской острог на наших, сирот ваших, мирских подводах и в тех подводах чинил нам налоги. Да он же, Христофор, ездил в прошлом в 103 году в страдное время в Балаганской острог на наших, сирот ваших, на двенадцати подводах и в скорой гоньбе лошадишек наших, сирот ваших, пало семь лошадей. И от тово ево Христофорова разоренья нам, холопам вашим, вашей, великих государей, службы служить нечем, а нам, сиротам вашим, вашей, великих государей, десятинной пашни пахать впредь будет не на чем и оброку платить нечем. Да он же, Христофор, без вашего, великих государей, указу дал наши, сирот ваших, иркутского воеводы стольника Афанасия Савелова под жену и под людей тритцать подвод до Яндинского острогу из-за морозу с Долгова порогу, и от тех подвод от ево,

Христофоровы, налоги разорились мы, сироты ваши, вконец. Да он же, Христофор, бил брацкого бывшего приказной избы подъячего Федора Вачевского своими руками да гулящего человека Петрушку Голму бил плетьми напрасно, и от тех ево, Христофоровых, побой они, Федор и Петрушка, померли. А кои нам, холопам и сиротам вашим, от нево, Христофора, разоренья были и с ково сия с холопей и сирот ваших напатками из-за гроз и из-за мучения и за подметной табак выимками он, Христофор, взял по ложной емейке воров Сеньки Пополутова с товарищи и тем всем от него, Христофоровых к нам, холопам и сиротам вашим, мученьям и разореньям и напрасным ево, Христофоровым, к нам, холопей и сирот ваших, взяткам под сею нашею, холопей и сирот ваших, челобитною роспись. Мудрые великие государи, цари и великие князья, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея великие и малые и белые России самодержцы, пожалуйте нас, холопей и сирот своих, не велите, великие государи, ему, Христофору, нас, холопей и сирот ваших, в вечное разорение дать и вашей, великих государей, службы, а нам, сиротам вашим, посацкого оброку и вашей, великих государей, десятинной пашни не отбыть и врознь не разбрестись. А мы, холопи и сироты ваши, в ево, Христофорове, разоренье ему, Христофору, от ваших, великих государей, дел в Брацком до вашего, великих государей, указу отказали ему, Христофору, никаких ваших, великих государей, дел не делать и нас, холопей и сирот ваших, судом и расправою не ведать, чтоб нам, холопам и сиротам вашим, конечным разорением от ево, Христофоровы, нападки и мученья и напрасного с нас, холопей и сирот ваших, взятку не разоритца. А на ево, Христофорово, место выбрали мы, холопы и сироты ваши, до вашего, великих государей, указу для всяких ваших, великих государей, дел енисейских десятника Дмитрия Кириллова, рядового Данила Терентьева. Великие государи, смилуйтеся.

II

РОСПИСЬ ОБИД, ПРИЧИНЕННЫХ ПРИКАЗЧИКОМ ХРИСТОФОРОМ КАФТЫРЕВЫМ, ПРИЛОЖЕННАЯ К ЧЕЛОБИТНОЙ КАЗАКОВ, ПОСАДСКИХ И ПАШЕННЫХ КРЕСТЬЯН В 1696 ГОДУ

Роспись Брацкого острогу енисейских казаков брацких жителей и посацких людей и пашенных крестьян, что у кого Христофор Юрьевич Кафтырев имал напатками из-за гроз и из-за мучения насильством и к кому он, Христофор, приходил в домы насильно для блудного воровства.

Андрюшку Поясницына послал он, Христофор, для умолоту десятинного хлеба и без него он, Христофор, приступал к домишку ево, к сестрам ево девицам для блудного воровства и угрожал бить отца ево, Андрюшкина, кнутом безвинно, чтоб отец ево отдал ему, Христофору, дочерей своих отдал на блуд.

А позади того дела вместо Андрюшки Поясницына, Андрюшки Потапова, Фетьки Потапова по их велению Гришка Бессонов руку приложил. Гришка Бессонов, как был он в Енисейску, и без него Христофор научал ясашного тунгуса Батурка брата ево наговаривать на него, Гришку, с пытки для своего к себе от него, Гришки, взятку бутто он, Гришка, купил у Чадорского тунгуса Бултанка ясашную черную лисицу.

У Андрюшки Потапова взял он, Христофор, наглою своею напаткою, подкиня табаком, дватцать рублев денег, три портица камок, да быка большово.

У Васьки Дьячкова имал он, Христофор, дрова и сено сильно, имал ево, Ваську, в приказную избу с женою и бил батоги на смерть и мучил всячески безвинно и животишка ево побрал к себе и смучил с него, Васьки, пятнадцать рублев денег.

К Марчку Григорьеву приступал он, Христофор, к домишку ево для блудного насильства и жену ево звал к себе на постель. И он, Марчка, жены своей ему, Христофору, для блудного воровства не дал и за то он, Христофор, взял ево, Марчка, с женою, бил батоги на смерть безвинно.

У Ивашка Васильева разломал он, Христофор, у мельницы кровлю и построил у той мельницы винокурную поварню и, разломав от мельницы замок, и взял сильно на винное куренье сто пуд муки ржаной.

У пашенных

У Стеньки Софонова взял он, Христофор, из-за гроз и из-за мученья коня доброва да двадцать пуд муки ржаной. Да он же, Христофор, ездит Брацким уездом по деревням с продажным своим вином и продает в скляницы и в чарки и в ковши и заставливает купить сильно и в том государевой десятинной пашне чинит недопашку.

У Пашка Поротова смучил он, Христофор, напрасно пятьдесят пуд ржи.

У Гришки Тюрина, Христофор, наглою своею напаткою тритцать пуд ржи.

У Алешки Агапитова взял он, Христофор, из-за гроз пуд масла коровья, полтора рубли денег.

У Никиты Панфилова взял он, Христофор, наглою своею напаткою шестьдесят пуд ржи.

У Бориска Дорофеева из-за гроз и из-за мучения взял он, Христофор, коня доброво да корову, да сто пуд ржи. Да он же, Бориска, из-за тех же гроз делал ему, Христофору, в страдное время хомутные клещи и сани и сено на него, Христофора, ставил без найму.

У Пашка Хлыстова взял он, Христофор, наглыми своими двадцать пуд ржи да быка, да корову.

У Давыдка Корелина взял он, Христофор, наглою своею напаткою коня доброва.

У Ивашка Заложнова, угрожая пыткою, взял он, Христофор, пятьдесят пуд ржи.

У Васьки Колмыка взял он, Христофор, напрасными своими нападками корову добрую да сто пуд ржи, два рубля денег.

У Мишки Салдата взял он, Христофор, нападками своими корову добрую, двадцать пуд муки ржаной.

У Ивашки Терентьева взял он, Христофор, из-за гроз напрасно шестьдесят пуд ржи.

Пашко Зеха был в целовальниках в прошлых годех у десятинного хлеба. И прежней приказной енисейской сын боярской Яков Елагин, сняв печать у государева анбара, без него, Пашки, ходил и государевы хлебные запасы имал. И в том на него, Якова, он, Пашко, бил челом, а ему, Христофору, подавал челобитную. И он, Христофор, приняв тое челобитную, никакой расправы не учинил и в Енисейск ево для челобитья не отпустил, и ево, Пашка, допрашивал про

ходьбу ево, Якова, в государев анбар и про имку государева десятинного хлеба, угрожая ево, Пашка, кнутом и сказывать на него, Якова, не велел и мучил в железах и в колоде безвинно многое время. И он, Пашко, убояся ево, Христофорова, угрозы, сказал, что он, Яков, государева хлеба не имал. Да он же, Христофор, взял у него, Пашка, из-за гроз и из-за мученья жеребца доброво. Да он же, Христофор, дочеришко ево, Пашково, пашенного крестьянина Богдашкину жену Хлыстова Марфицу разорил и взял с нее сильно рогатого четыре коровы да быка, сто копен сена, да тритцать пуд ржи и выслал ее из Брацкого уезда в Иркуцкий.

У Ивашка Суворова взял он, Христофор, наглою своею напаткою коня доброво.

У Евдокима Самки взял он, Христофор, десять пуд муки ржаной да в семьдесят пудах ржи взял кабалу напрасно.

У Оськи Андреева взял он, Христофор, напрасною своею напаткою восемьдесят пуд ржи.

У Фетьки Прокопьева взял он, Христофор, из-за гроз пятьдесят пуд ржи.

У Юшка Тихонова взял он, Христофор, напрасными напатками шестьдесят пуд ржи.

У Ивашка Мокеева взял он, Христофор, из-за гроз напрасно сорок пуд ржи.

У Васьки Дмитриева взял он, Христофор, угрожая кнутом, коня доброво да корову напрасно.

У Петрушки Мачехина взять ему, Христофору, было нечево, велел делать ему, Петрушке, винные бочки ведер по двадцати в страдное время и сделал он, Петрушка, десять бочек.

У Тимошки Панькова взял он, Христофор, угрожая кнутом, и всякими напатками, коня доброго и ездит он, Христофор по деревням с продажным вином и велит покупать, угрожая пашенных крестьян, сильно, а хто вина у него, Христофора, не купит, и тех людей бьет, угрожает всякими угрозами и продает в чарки и в ковши.

У Александрика Ермолина взял он, Христофор, приезжая к нему в деревню и угрожая, коня доброво напрасно.

У Якима Лукьянова имал он, Христофор, в подводы под себя коня и того коня он, Христофор, убил своими руками до смерти.

У Никитки Филипова взял он, Христофор, угрожая кнутом безвинно, два коня добрые да сто пуд ржи.

У Васьки Рыбника взял он, Христофор, угрожая кнутом и пыткою и мучил в железах, два быка больших, портище камки, два рубли денег.

У Дениска Митрофанова дана кабала в казну великих государей за государеву лошадь в четырех рублях без чести, а недоплаты было по той кабале рубль восемь алтын четыре деньги. И за те деньги взял он, Христофор, у него, Дениска, шестьдесят пуд ржи к себе, а хотел заплатить за него, Дениска, по той кабале те недоплатные деньги в казну, и он, Христофор, той кабалы ему не выдал и денег не заплатил.

Ивашко Сутырин, Васька Рыбник, Ивашко Лухнев имали в Брацком из казны великих государей контарь для весу, и от того контаря взял он, Христофор, с них, Ивашка, два рубли денег к себе, а не в государеву казну.

Ангарских деревень дальних заставливал всех пашенных крестьян на себя он, Христофор, ставить сено, и они, пашенные крестьяне, ставили на него, Христофора, сено недели по две и больши.

У Ивашка Ускова смучил он, Христофор, пять рублев денег напрасно.

У Ивашка Федорова взял он, Христофор, за угрозами и из-за мучения два коня да пуд масла, два рубли денег напрасно.

Петрушку Огородникова взял он, Христофор, в приказную избу и мучил шесть недель в колоде, и угрожал пыткою и огнем, и смучил с него шесть рублев денег. Да брата ево, Пашка, угрожал пыткою и огнем, и от того брат ево, Пашка, из Брацкого бежал. И в ево месте брата ж ево, Андрюшку, мучил и взял с него быка большово да рубль денег. Да ево ж, Андрюшку, будучи он, Христофор, в Кежемской деревни, запирал в студеную баню и посылал он, Христофор, к нему, Петрушке, в дом пятнадцать человек и выломал дверь, и взял сестру их девицу, держал за караулом трои сутки для блудного воровства и хотел отдать сильно сестру их на вора, за Сеньку Пополутова.

У Никишки Емельянова взял он, Христофор, быка, напрасно муча в железах.

У Логина Матвеева взял он, Христофор, полтину денег за то, что наймывался он у торговых людей под товар весть до Яндинского.

У Митьки Робенка взял он, Христофор, нападкою своею шестьдесят пуд ржи напрасно.

Васька Бухаров молол на него, Христофора, из-за гроз и из-за мученья на мельнице своей без помолу три тысячи пуд всякого хлеба на винное куренье и тот хлеб возил он, Васька, на своих лошадях и работными своими людьми к нему, Христофору.

Ивашко Сутырин молол на него, Христофора, из-за гроз на мельнице своей всякого хлеба восемьсот пуд в страдную пору в сенокос и в жнитье и тот хлеб отвозил к нему, Христофору, своими работными людьми, бояся ево, Христофора, грозы и мученья.

У Ромашки Никитина взял он, Христофор, напатками своими шестьдесят пуд ржи напрасно.

С Панкрашки Зыряна взял он, Христофор, напатками своими двацать пуд ржи.

У Васьки Черемного взял он, Христофор, напатками своими из-за гроз тритцать пять пуд ржи напрасно.

У Юшка Борисова взял он, Христофор, из-за гроз напатками своими сто пятьдесят пуд ржи напрасно.

Елфимку жену Глазкова Офимьицу посылал он, Христофор, в дом к служилому человеку к Данилу Терентьеву для призыву дочери ево, девицы, к себе он, Христофор, для блудного воровства да он же Офимьицу, послал он, Христофор, к казачьей дочере Ивашка Попова, для призыву того блудного воровства, и она, Офимьица, для того дела к ним не пошла, и ее, Офимьицу, он, Христофор, мучил в колоде и бил за то батоги насмерть.

III

ЧЕЛОБИТНАЯ МОНАСТЫРСКИХ «ВКЛАДЧИКОВ» БРАТСКОЙ «СПАССКОЙ ПУСТЫНИ» В 1696 ГОДУ

Великим государем, царем и великим князем, Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всея великие и малые и белые России самодержцем, бьют челом и извещают сироты ваши, Брацкой Спасской пустыни бывшей строитель Васька Балдаков, казначей Авдейка Федоров, вкладчики Омелька Мохов, Каземка Бархатов, Бориско Петров, Исачко Иванов. Жалоба, великие государи, нам, сиротам вашим, Брацкого

острогу на приказного енисейского письменного голову Христофора Юрьевича Кафтырева. В прошлом, великие государи, в Егорьев день вешней приезжал он, Христофор, к нам, сиротам вашим, в Спасскую пустынь и бил нас, сирот ваших: меня, сироту вашего, Ваську своими руками насмерть и бороду выдрал, а меня, сироту вашего Омельку батоги напрасно и без указу великого архиерея и без совету Спаской пустыни вкладчиков отставил меня, сироту вашего, от монастырского строительства собою и поверстал в строители черново попа Иосифа. И напоя ево, Христофор, пьяным купил у него Спаской пустыни хлебных запасов тысячу пуд ржи, а деньги он, черной поп Иосиф, ему, Христофору, пропил и учинил в Спаской пустыни хлебную скудость и разоренье. Да он же, Христофор, в то время бил в ограде нашего Спаской пустыни вкладчика, бывшего Брацкого острогу приказные избы подъячего Федора Вачевского своими руками, и от тех побой он, Федор, лежал день и умер. Мудрые великие государи, цари и великие князья, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея великие и малые и белые России самодержцы пожалуйте нас, сирот своих, велите, великие государи, сию нашу, сирот ваших, изветную в Брацкой приказной избе енисейским десятнику Дмитрию Кириллову и рядовому Данилу Терентьеву принять и велите, великие государи, им, Дмитрию и Данилу, писать в Енисейск к стольнику и воеводе Михаилу Игнатьевичу Римскому-Корсакову, чтоб наше, сирот ваших, челобитье вам, великим государем, было ведано, чтобы нам, сиротам вашим, и Спаской пустыне впредь от приказных людей каково разоренья не было. Великие государи, цари, смилуйтеся.

IV

ЧЕЛОБИТНАЯ «ЯСАЧНЫХ ИНОЗЕМЦЕВ» (бурятских крестьян) НА ПРИКАЗЧИКА ХРИСТОФОРА КАФТЫРЕВА в 1696 ГОДУ

Великим государем, царем и великим князем, Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всея великие и малые и белые России самодержцем, бьют челом и извещают холопи ваши, Брацкого острогу ясачные иноземцы: Асихибайко Держиев, Аскуйко Комколов, Андрюшка Азигидаев, Осейко Дахуев, Обонтуйко Грошев, Бодойко да Монкодойко да Бозейко Кайдаевы, Касамайко Тарчиев, Санкирко Бакучин, Болдайко Барсаев, Заректуйко Борчиев, Даганко Баранов, Залбунко Ириндиев, Халгайко Инкиев, Колочейко Табеев, Мляулко Камнаев, Урмакейко Наирев, Дочиканко да Ханзик Мумуетовы, Садойко Нарекаев, Согдейко Сундукуев, Тебендейко Кусылеев, Мусыкейко Кынтуев, Умыдыкейко Уныгенов, Кекуйко Баландаев, Бодончейко Наконов. Жалоба, великие государи, нам, холопам вашим, Брацкого острогу на приказного енисейского письменного голову на Христофора Юрьевича Кафтырева. В прошлом, великие государи, в 103 и в нынешнем 104 годех посылал он, Христофор, для покупки себе соболей и всякой мягкой рухляди в ясачное время на наших, холопей ваших, подводах в Удинской острог, и в тех подводах конишка наши, холопей ваших, пали две лошади. Да он же, Христофор, посылал нас, холопей ваших, на Барлуцкую заставу с енисейскими казаки с Тихонком Кириловым, с Костькой Борисовым девять человек на наших же, холопей ваших, конях и жили мы на той Барлуцкой заставе четыре недели, помирали голодною смертью. Да он же, Христофор, в нынешнем в 104 году выкосил наши, холопей ваших, сенные покосы, и то сено велел он, Христофор, метать в стога нам же, холопям

вашим, на наших же конях, и скотишко наше, холопей ваших, от того все выпало с голоду. Да он же, Христофор, взял у меня, холопа вашего, Бодончейка нападками корову, а мы, холопи ваши, Урмакейко, Согдейко, Тебендейко, Мычикейко, Умыдыкейко ставили ему, Христофору, из-за мученья полтора ста копен сена. Да взял он же, Христофор, с нас, холопей ваших, быка большово, а у нас, холопей ваших, Дочки и Ханзика взял четыре быка больших. Да он же, Христофор, взял у меня, холопа вашего, Содойка Нареканова жеребца доброво, а у меня, холопа вашего, Секуйка, жеребца шерстью пегова. И теми своими, Христофор, нападками и мученьем разорил нас, холопей ваших, вконец и впредь нам, холопем вашим, вашего, великих государей, ясаку промышлять будет не на чем и купить нечем. Милосердные, великие государи, цари и великие князи, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея великие и малые и белые России самодержцы, пожалуйте нас, холопей своих, велите, великие государи, сию нам, холопей ваших, изветную челобитную в Брацком в приказной избе енисейским десятнику казачью Дмитрею Кирилову за казаку Данилу Терентьеву принять и велите, государи, им, Дмитрию и Данилу писать в Енисейск к стольнику и воеводе Михайлу Игнатьевичу Римскому-Корсакову и челобитную нашу, холопей ваших, послать под отпискою, чтоб нам, холопем вашим, от него, Христофора, и впредь от иных приказных людей вконец не разоритца и вашего, великих государей, ясаку не отбыть и врознь не разбрестись. Великие государи, цари, смилуйтесь, пожалуйте.

V

ДОНЕСЕНИЯ ПРИКАЗЧИКА ХРИСТОФОРА КАФТЫРЕВА И ЕГО ПРИВЕРЖЕНЦЕВ О БРАТСКОМ ВОССТАНИИ 1696 ГОДА

Великим государем, царем и великим князем, Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всея великие и малые России самодержцем, бьет челом холоп ваш, енисейской письменной голова Христофорка Кафтырев, с енисейскими казаками и брацкими жители: Богдашко Данилов, Васько Момотов, Сенько Пополутов, Пронька Ловцов, Васька Баранов, Ивашка Калга, Ивашко Каменев, Матюшка Писарев, Костько Борисов, Фетько Бородин, Ивашко Ездаков, Петрушка Чермаев. В нынешнем, великие государи, 104 году генваря в 6 день Брацкого острогу енисейские казаки: Митько Кирилов, Данилко Терентьев, Гришка Бессонов, подъячий Гришка Матвеев, Андрюшка Поясницын, з братом Сергушкою, Андрюшка Дурной, Васька Ермаков, Ивашко Толмач, Васька Калакаев, Гаврилко Стефанов с товарищи; посадские люди: Кирилко Наумов, Агапитка Дмитриев, Ивашко Тупица, Мишка Черной, Марчко Григорьев, Ивашко Дьячков с товарищи и пашенные крестьяне: Васько Бухаров, Ивашко Сутырин, Микишка Боботун, Левка Карачеевец, Мишка Вор, Тараско Васильев, Максимко Муранов, Пашко Зеха, Петрушка Карнаухов, Ивашко Лухнев, Андрюшко Бухвостов, Ивашко Рютин с товарищи учинили бунт, взяли ваш, великих государей, острог и всякую казну, порох и ружье и свинец, и всякие ваши, великих государей, припасы и приказную избу со всякими делами и нас, холопей ваших, в ваших, великих государей, хоромах осадили и заволяли кругом все двери бревнами и поставили караулы. Хотят нас, холопей ваших, поморить голодною смертью и водной жаждею, а давали нам, холопам вашим, уделя для пропитания в третей день ковригу хлеба. А которые казаки из ва-

ших, великих государей, хором выходили для ради переговору и унимать от бунтовства, и тех казаков отъимали у нас, холопей ваших, и сажали в колоду, а которые ходили на ваш, великих государей караул, и тех такождешь держат в крепи, а на ваш, великих государей, двор для обережи не отпущают. Да они ж, бунтовщики, приходили к вашим, великих государей, хоромам, где живут приказные люди, з бревнами и стегами хоромы ломать и по бревну раскатать и нам, холопям вашим, угрожают смертным убийством. А приходил на выговор бунтовщик Гришка Бессонов, Ивашко Храмцов, Васько Бухаров, Тараско Васильев, Левка Карачаевец, Ивашко Лухнев, Агапитко Дмитриев, приступая к вашим, великих государей, хоромам, говорили: «вытте де, казаки, из государских хором вон, а естли де не выдете, не быть де вам, казакам, и Христофору живым». Холопи ваши, видя их бунтовство, в ваших, великих государей, хоромах сидели в осаде и отсидетца не могли, выбили нас, холопей ваших, вон. А указывают они, бунтовщики, на Нерчинской и на Красноярской бунты. И ныне холопи ваши живем в неволе и в разорении, и не дают нам, холопем вашим, ничего купить и не велят никаким людям к нам ходить и нам такождешь. Милосердые, великие государи, цари и великие князи, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея великие и малые и белые России самодержцы, пожалуйте нас, холопей своих, велите, великие государи, из Енисейска к нам, холопем вашим, на выручку послать свой, великих государей, указ, что розыскать и вышеписанных бунтовщиков Митьку Кирилова, подъячего Гришку Матвеева, Гришку Бессонова, Данилка Терентьева, Кирилка Наумова, Агапитка Дмитриева, Ваську Бухарова, Ивашку Тупицу, Левку Карачаевца—тех первых заводчиков и бунтовщиков велите, великие государи, до розыску взять в Енисейск и задержать до нас, холопей ваших. Великие государи, смилуйтеся.

Великим государем, царем и великим князем, Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всея великие и малые и белые России самодержцем, бьет челом и извещает богомолец ваш, Брацкого острогу, Богоявленские церкви поп Иван Григорьев. В нынешнем, великие государи, 104 году, генваря в 6 день Брацкого острогу пашенной крестьянин Оська Падунской с товарищи взяли меня, богомольца вашего, из ваших, великих государей, хором от енисейского письменного головы Христофора Юрьевича Кафтырева к Богоявленской церкви в трапезу. И будучи я, богомолец ваш, у церкви в трапезе, учинили бунт енисейские казаки Брацкого острогу жители: десятник Митька Кирилов, Гришка Бессонов, Ивашко Храмцов с товарищи и посадские люди Кирилко Наумов, Агапитка Дмитриев, Ивашко Тупица, Мишко Черной с товарищи, пашенные крестьяне: Васька Бухаров, Левка Карачаевец, Ротька Терпуг, Тараско Васильев, Андрюшка Бухвостов, Васько Дубильник с товарищи. Били меня, богомольца вашего, насмерть и сбили с меня скуфью и шапку. И о том я, богомолец ваш, словесно извещал енисейскому письменному голове Христофору Юрьевичу Кафтыреву, и он по извету моему со мною, богомольцем вашим, в трапезу ходил и хотел их от бунтовства унять. И они учинились непослушны и почали кликать атаманов молодцов и учинили бунт. Милосердые великие государи, цари и великие князья, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея великие и малые и белые России самодержцы, пожалуйте меня, богомольца своего, велите великие государи, сию мою явошную челобитную в Брацком в приказной избе енисейскому письменному голове Христофору Юрьевичу Кафтыреву

принять, чтоб мне, богомольцу вашему, от их бунтовства вконец не погинуть и з домишком не разориться. А приняв, велите, великие государи, сию мою явошную челобитную послать в Енисейск. Великие государи, смилуйтеся.

Великим государем, царем и великим князем, Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всея великие и малые и белые России самодержцем, бьют челом холопи ваши и извещают енисейские казаки Брацкого острогу годовальщики и жители: Богдашко Данилов, Тихонко Кирилов, Васька Момотов, Сенька Пополутов, Пронька Ловцов, Ивашка Каменев, Матюшка Писарев, Костька Борисов, Васька Баранов, Ивашка Колга, Фетька Бородин, Ивашко Ездоков, Якушко Попов. В нынешнем, великие государи, в 104 году, генваря в 6 день десятник Митька Кирилов, рядовые казаки, годовальщики и брацкие жители: Данилко Терентьев, Гришка Бессонов, Андрюшка Поясницын с братом Сергушкою, Андрюшка Дурной, Гаврилко Степанов, Васька Калакаев, Ивашко Толмач, Афонька Стеклов, Савка Часовщиков, Васька Ермаков, посацкие люди: Кирилко Наумов, Агапитка Дмитреев, Ивашко Дьячков, Мишко Черной, Ивашко Тупица, Васька Понамер, з братьями, Марчка Григорьев, Стенька Красноштанов с товарищи и пашенные крестьяне: Васько Бухаров, Ивашко Сутырин, Микишка Боботун, Родько Терпуг, Тараско Васильев, Левка Карачаевец, Мишка Вор, Ивашка Ермаков, Ивашка Попов, Максимко Мурашов, Петрушка Карнаухов, Ивашко Лучнев, Панфилко Панчугин, Пантелейко Рютин, Стенька Софронов, Васька Трубачев, Андрюшка Бухвастов и все пашенные крестьяне и всяких чинов люди ходят в Брацком остроге и по улицам и становятца кругами и величают друг друга атаманами молодцами, а собираютца в трапезу неведомо для чего и заводят бунт, вашу, великих государей, казну хотят отбить, или письменного голову Христофора Юрьевича хотят убить, того мы, холопи ваши, не ведаем. А нас, холопей ваших, бьют насмерть и призывают к себе в бунт. И мы, холопи ваши, не хотя вам, великим государям, изменить и бунту заводить, к ним, бунтовщикам, не пристали. И за то они бьют нас, холопей ваших, избили у нас казаков четырех человек: Митьку Нифантьева, Фетьку Иконника, Петрушку Чермаева, Ваську Молотова и держат их в крепи. И видяча мы, холопи ваши, бунтовство их в Брацком енисейскому письменному голове Христофору Юрьевичу Кафтыреву в бунту их подали известную сию челобитную. Милосердые, великие государи, цари и великие князи, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея великие и малые и белые России самодержцы, пожалуйте нас, холопей своих, велите, великие государи, сию нашу известную челобитную принять в Брацком енисейскому письменному голове Христофору Юрьевичу Кафтыреву, а приняв, послать под отпискою в Енисейск к стольнику и воеводе Михаилу Игнатьевичу Римскому-Корсакову, чтоб от того их бунтовства вашей, великих государей, вотчине и нам, холопям вашим, вконец не разоритца. Великие государи, смилуйтесь, пожалуйте.

VI

«КАК МИР ВОСТАНЕТ, ТАК И ЦАРЬ УЖАСНЕТ»
(Из допроса Семена Пополутова и других казаков)

...«А в допросе Семен Пополутов, Константин Борисов, Петр Чермаев, ссыльной Василей Муравьевской сказали: Григорей Бессонов с товарищи приходили к хоромам на рундук с выговором ему, Хри-

стофору, и с невежеством, и он де, Христофор, к ним Григорию с товарищи выходил и говорил, чтоб они от бунту унялись и бунтовать перестали. И в то де время вышел из них, брацких жителей, один Григорей Бессонов, говорил ему, Христофору, непристойные слова: «как де мир востанет, так де и царь ужаснет, а ты де, Христофор, говоришь с нами»...

...«А в очной ставке Костянтин Борисов говорил: в прошлом де в 104 году, в генваре месяце в Брацком остроге, как Христофору Кафтыреву брацкие жители от расправ отказали, в то время проходил Григорей Бессонов ко крыльцу, а Христофор Кафтырев выходил на рундук. И он де Григорей говорил ему, Христофору, непристойные слова: «как де мир голкнет, так де и царь умолкнет, а ты, Христофор, не хошь вытти из двора». А он де, Костянтин, в то время с ними служилыми людьми: Семеном Пополутовым, с Петром Чермаевым, с Иваном Васильевым, что ныне в Маковском в попех, а иных да имен сказать не упомнит, стоял с ним, Христофором, на крыльце и те непристойные слова от него, Григорья, он, Костянтин, слышал, и они де, служилые люди, Семен Пополутов с товарищи те непристойные слова слышали»...

ОБЪЯСНЕНИЯ СТАРИННЫХ СЛОВ

Безинной—сшитый из бязи.

Бердыш—боевой топор с длинной рукояткой.

Весь—село.

Воистый—воинственный.

Годовальщики, годовщики—служилые люди, отбывавшие срочную (обыкновенно годовую) службу в городах, острогах и посылках (командировках). Например, в Братском остроге годовальщиками были енисейские казаки.

Голкнуть—крикнуть.

Заводчик, заводчик—инициатор.

Закит—подбрасывание.

Заплечный мастер—палач.

Зело—очень.

Имейка—отобрание, изъятие.

Из-за гроз—угрозами.

Извет, изветная челобитная—челобитная по политическим делам (см. челобитная), донос.

Кабала—долговая расписка.

Камка—шелковая ткань с разводами.

Кляч, кляп—распорка, палка, всунутая меж зубов, короткий шест.

Поверстать (верстание)—зачислить то или другое лицо на «государеву службу» с определением служилого чина, денежного и натурального жалованья.

Полоненики—пленники.

Портище—отрезок ткани на одежду.

Прибытки—прибыль, доходы.

Приправочные книги—книги по взысканию недоимок ясака и различных податных сборов.

Ролдужной, равдуговой—замшевый, из оленьей или козьей шкуры, выделанной замшей.

Расели—ущелья.

Стакався—сошелся, сговорился.

Собиной, собинной—собственный.

С невежеством—невежливо.

Такожде ш ь—также.

Ужинная роспись—роспись хлеба, сжатого с «государевой пашни».

Убойство—убийство.

Целовальники—выборные уездными и посадскими мирами должностные лица, исполнявшие под присягой (крестным целованием) различные административные функции, ведавшие сборами косвенных налогов и управлением некоторыми казенными доходными статьями (кабаки, таможни, соляные амбары и пр.).

Челобитная—вид юридического документа, излагавшего жалобу или просьбу по гражданским или уголовным делам. Челобитные по политическим делам назывались изветными челобитными.

Шатость—колебание, волнение (в политическом смысле).

Шелепы—веревочные кнуты с короткой рукояткой.

Ясак (на тюркских языках—закон)—натуральная подать, собиравшаяся, преимущественно пушниной, с народов Поволжья и Сибири сначала местными князьцами, а затем—царским правительством.

Ясачное время—время охоты на пушных зверей.

Яренковый—поярковый (из шерсти овцы первой стрижки).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Положение крестьян, посадских и служилых людей Восточной Сибири в конце XVII века	6
Восстание бирюльских пашенных крестьян в 1692 году	38
Красноярское восстание 1695—1698 годов	46
Иркутские и забайкальские события 1696 года	62
Братское восстание 1696 года	69
Илимское восстание 1696 года	78
Заключение	82
Приложение	87
Объяснения старинных слов .	98

Ф. А. Кудрявцев. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. Иркутское областное издательство. 1939. Огиз № 1132. Индекс П-1в.

Отв. редактор Г. Ф. Кунгуров. Техн. редактор М. Ф. Клинской.
Корректор М. А. Комченко. Художник Д. Я. Корчагин.

Сдано в набор 4/VII—1939 г. Подп. к печати 21/IX—1939 г. Бумага $84\times{}^{108}/_{32}$ Бумажн. листов 1,56. Печ. листов 6,25. Учетно-изд. листов 6,4. Уполн. Ирк. Облгита № 4080. Тираж 5000. Заказ 1862. Цена книги 1 руб. Переплет 60 коп.

Отпечатано в Иркутской тип. Огиза треста „Полиграфкнига".
Ул. К. Маркса, № 19.

1 р. 60 к.